

14
32

МУЗЕЙ РЕВОЛЮЦИИ

РЕВОЛЮЦИОННОЕ
ДВИЖЕНИЕ
В КАРТИНАХ

Z $\frac{14}{39}$ 39 мм.

МУЗЕЙ РЕВОЛЮЦИИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ С. И. МИЦКЕВИЧА

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В КАРТИНАХ

ОГИЗ ★ МОСКВА 1932 ЛЕНИНГРАД ★ ИЗОГИЗ

Художественная и техническая
редакция С. А. Абрамова

П Е Р В А Я
ТИПОГРАФИЯ ОГИЗА РСФСР
«ОБРАЗЦОВАЯ».
Москва, Валовая, 28.

★
Уполномоч. Главлита № Б-15405.
Р.41. Изогиз № 694. Заказ № 3997.
Тираж 20 000.

Гравюры на обложке и титуле
худ. Швердьева.

32-23070

2015061718

КНИГА ИМЕЕТ: 32 экз.

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1952 г.
						Н/г		

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОССТАНИЯ, ДЕКАБРИСТЫ И НАРОДНИЧЕСТВО

ВОССТАНИЕ СТЕПАНА РАЗИНА

На окраины Московского государства, в Запорожье, на Дон и Урал, издавна бежали от помещичьего гнета и царского произвола крепостные крестьяне. В непроходимых лесах и вольных степях спасались они от непосильной барщины и непомерных податей и налогов. Здесь собирались наиболее энергичные, отважные люди, стремившиеся к вольной, свободной жизни, ненавидевшие весь политический строй Московского государства и готовые не на живот, а на смерть бороться с помещиками, крупными купцами, царскими воеводами и дьяками. На эти же окраины царское правительство ссылало на поселение всех строптивых и непокорных и уголовных преступников, которые лишь укрепляли, усиливали господствующие здесь настроения.

Так в XVI веке образовались первые казацкие поселения, где все были равны, землей и угодьями владели сообща, всей общиной; власть царя здесь признавалась лишь формально, начальников выбирало и смещало само население. Эти казацкие поселения быстро пополнялись беглыми крестьянами, положение которых в Московском государстве с развитием крепостничества и торгового капитала становилось все тяжелее.

Московский царь к XVII веку стал первым купцом. При его дворе заключались крупные торговые сделки с восточными и западными купцами. Здесь шла оптовая торговля хлебом, пенькой, коноплей, лесом, мехами, кожами и другими товарами, здесь же московские купцы покупали ценные восточные шелка и ковры, немецкое серебро, английские сукна, искусную посуду и тому подобные вещи.

Продукты сельского хозяйства теперь уже нужны были не только для личного потребления, но и для торговли и обмена. Начиная с царя и его приказа тайных дел и кончая мелким помещиком, все застав-

ляли своих крестьян работать, не покладая рук, чтобы больше продать, больше купить.

Закабаленного крестьянина обирали с двух концов: его не щадил ни помещик, прикрепивший его не только к земле, но и лично к себе, ни царский чиновник, „нещадно“ выбивавший „государевы всякие доходы“ из его нищенского, разоренного хозяйства на пополнение казны и своей мощи. Чем сильнее был этот двойной гнет, тем решительней снимался крестьянин с насиженных мест и бежал в вольные края. Никакие наказания, никакие указы о беглых, никакие постановления и уложения соборов не могли остановить эти сотни, тысячи людей, бегущих искать новой, лучшей жизни.

Царское правительство поневоле вынуждено было мириться с существованием независимых казацких станиц, больше того, снабжать их оружием, хлебом, даже платить им жалованье, так как казаки, живя на окраине государства, образовали как бы пограничную стражу, которая препятствовала вторжениям на территорию России южных кочевников, а подчас и поляков и турок.

В XVII веке эти вольные станицы сильно изменились. Казаки уже не представляли единого классового целого. Они разделились на две резко враждебные друг другу части: зажиточных — „домовитых“ и бедноту — „голутвенных“.

К домовитым относилась та часть казачества, которая уже успела к этому времени осесть, обзавестись своим хозяйством, завоевать господствующее положение. Они теперь вершили все дела, имели наибольшее значение в войсковом кругу, „избирались“ в атаманы, назначались старшинами. Эта часть казачества поддерживала самые дружественные отношения с Москвой и оказывала царю полное повиновение. Голытьбу они постоянно убеждали „вспокоиться, дурость отложить и великому государю служить“.

Голутвенные казаки в большей части были недавними выходцами Московского государства, целиком еще сохранившими бунтарский дух, всегда готовыми к борьбе и походам „за зипунами“. Не имея никакого хозяйства, не получая никаких доходов, они испытывали, по официальным даже донесениям, „скудность большую“ и „голод большой“. Большие отряды этих „воровских“ казаков нападали на торговые суда, грабили караваны, захватывали и разоряли целые города. С Дона они часто перекидывались на Волгу — на главный торговый путь того времени, соединявший Москву с далеким Востоком, выступая здесь непосредственно против богатых торговых людей.

Эта-то голытьба, ненавидевшая весь политический и экономический строй Московского государства, и была основным ядром движения Разина, который звал всех угнетенных и обездоленных „бить бояр да богатых господ“, „установить на Руси казачество и учинить так, чтобы всяк всякому был равен“. Лозунги движения были ясные, близкие, понятные. Разин собирал к себе тысячи казаков и встречал сочувствие и поддержку не только со стороны закабаленных крестьян, но и всего тяглого, посадского люда — ремесленников, мелких торговцев и т. д.

Эту активную поддержку Разин имел, главным образом, в Поволжье, где еще сильнее, чем в Московском государстве, чувствовались и гнет помещиков и произвол царских чиновников. И те и другие здесь хозяйничали, как в покоренной стране, и местное население — татары, чуваша, мордвины, марийцы — страдало вдвойне: и от помещичьего, и от национального гнета. На Волгу же шел и наиболее предприимчивый, наиболее жадный, и наиболее энергичный помещик, который с помощью царских чиновников беззастенчиво отбирал у угнетенных народов не только их землю, но и их имущество, открыто грабил их „животы“, требовал барщины и оброков. Правительство очень тщательно переписывало всех „инородцев“, увеличивало и без того чрезмерные подати, а челобитья тягловых — „ясачных людей“ — оставались нерассмотренными в многочисленных канцеляриях приказов или вызывали еще большие преследования. Грузчики, бурлаки и закрепощаемое крестьянство в любой момент готовы были поддержать бунт против монополиста-купца и многоземельного помещика. Церковь, духовенство — те же по существу помещики и купцы — шли здесь целиком рука об руку с „колонистами“ — завоевателями. Вот почему Разин преследовал и священников, „царских богомольцев“, наравне с воеводами и помещиками и нередко говорил такие речи: „На что церкви? К чему попы? Венчать, что ли? Да не все ли равно: станьте в паре подле дерева да пропляшите вокруг него — вот и повенчались“.

На Волге собрался таким образом наиболее горючий материал. Отсюда по первому зову Разина разгорелось восстание, которое ярким пламенем охватило все Поволжье. Здесь главным образом набирались и пополнялись громадные полчища Разина, здесь же его снабжали продовольствием и оружием, порохом и свинцом. Население волжских городов наиболее охотно открывало ему ворота и выдавало на суд казачий своих воевод, дьяков и помещиков. На берегах Волги Разин и его атаманы расправлялись с этим „облихованным миром“, с правителями (см. картину художника Г. Н. Горелова „Степан Разин на Волге“).

Поднятая в 1667 г. на Дону Разиным голытьба встретила дружный отпор домовитых казаков. Попытка пробиться к Азовскому морю не удалась, и Разин двинулся по другому излюбленному казаками пути, к Волге. Первый стан восставших был заложен еще на Дону, близ городка Паншина, в том месте, где Дон ближе всего подходит к Волге. Уже к этому времени „ватага“ Разина выросла в настоящее казачье войско. Лазутчики доносили и без того перепуганному царицынскому воеводе, что у Разина „человек тысячу и больше, потому что к тем воровским казакам тайным обычаем многие люди уходят беспрестанно“. Летом того же 1667 г. Разин отправился в Царицын, потом на Яик, а весной 1668 г. ушел в море, на далекий Восток, в Персию и к туркменским улусам. Весной 1669 г. он снова возвратился на Волгу, в Астрахань, на больших морских стругах, с богатой добычей, большим количеством пленных, пушками и прочими военными трофеями.

О Разине уже в то время складывались легенды, как о чародее, которого пуля не берет. Про богатство его рассказывали, как про нечто сказочное: „Поистине Стенька Разин богат приехал, что и невероятно быти мнится: на судах его веревки и канаты все шелковые и паруса также все из материи персидской шелковые учинены“. Хотели было астраханские воеводы отнять у Разина добычу богатую „без окупа“, но „не смели“, так как „боялись, чтобы казаки вновь шатасти к воровству не учинили и не пристали бы к их воровству иные многие люди“.

Да и какие силы могло противопоставить казакам царское правительство? Стрелецкие войска состояли сами из тех же мелких посадских людей, которые были верными помощниками Разина. Стрельцы подчас или совсем не являлись на зов воевод или целыми отрядами переходили на сторону Разина.

Вольный казачий строй, вводившийся Разиным во всех занятых им городах и селениях, демократическое управление, право жаловаться на начальников, расправа с воеводами, дьяками и боярами делали Степана Разина желанным и долгожданным избавителем от всех невзгод, при-

теснений и злоупотреблений. И действительно, царские пушки по Разину не стреляли. Вот почему правительство само вступало с ним в переговоры, предлагало „простить“ Разину все „преступления“, если он выдаст беглых, не будет собирать новых сил и откажется от дальнейшей борьбы.

Но Разина ждала вся Волга. Его прокламации, „прелестные письма“, вызывали повсюду брожение. Царские приказы о том, „чтоб богоотметника и изменника Стеньку Разина не слушать и радеть великому государю“, никем не выполнялись. Тысячи людей пополняли его войска, и он решил „итти... вверх и побивать и выводить изменников-бояр“. Из Астрахани Разин отправился в Царицын, с десяти тысячным войском поднялся до Саратова, Самары, занимая почти без боя поволжские города, повсюду вводя „казацкий“ строй, уничтожая всех ненавистных народу начальных людей, сжигая бумаги, по которым „по закону“ казались и обирались крестьяне и посадские люди.

Разосланные Разиным верные казаки поднимали восстания в Нижегородской, Тамбовской, Симбирской, Пензенской областях, пробирались до Москвы, Новгорода и даже до Белого моря. Десятки тысяч восставших крестьян расправлялись со своими помещиками, десятки атаманов в целом ряде мест действовали от имени Разина, с успехом повсюду возглавляя восстания.

Но этот бурный рост казацко-крестьянского движения Разина привел к тому, что обеспокоенное его успехами царское правительство напрягло все свои силы и бросило теперь против Разина уже не ненадежных стрельцов, а по-заграничному обученные регулярные войска.

Первое поражение Разин потерпел под Симбирском, а затем и в ряде других городов. Наспех собранные войска Разина не могли устоять против новой московской царской армии. К тому же эти войска постоянно обновлялись новыми пришельцами. Только казаки голутвенные проходили целиком весь путь Разина, остальные не шли дальше насиженных родных мест, поднимая восстания в узких пределах своей деревни, своего города. К тому же сильную поддержку царю оказали и домовитые казаки, которые дружно поднялись теперь против вождя голытьбы—Стеньки Разина. Они захватили его в Кагалинском городке и выдали в Москву на расправу царю.

6 июня 1671 г. Разин после долгих пыток был казнен.

После казни Разина движение было быстро подавлено. Атаманов и верных Разину казаков ждали пытки, четвертование, виселица. Отдельные восстания, вспыхивавшие в различных уголках России, подавлялись с невиданной жестокостью.

Конечно, бунт Стеньки Разина не поколебал основ и устоев царизма

и крепостнического строя. Самый состав участников predetermined характер этого восстания и его значение. Крестьяне, казаки и посадские люди видели своего угнетателя не во всем политическом строе, а в лице данного помещика, ближайшего воеводы или крупного купца. Десятки тысяч войск Разина и его атаманов так же быстро распадались, как и собирались. Отдельные, даже самые крупные, волнения не разрались в единое революционное восстание. Эти волнения были местными, локальными и быстро потухали по уходе Разина и его атаманов.

Но память о Разине, „батюшке Степане Тимофеевиче“, до сих пор прочно живет в крестьянстве, особенно в Поволжье. Ряд утесов и курганов поволжских конкурирует между собой за право носить имя утесов Степана Разина. До сих пор по всей Волге поются давно сложенные песни про Разина, в которых воспеваются его подвиги, справедливый суд и расправа над помещиками и царскими воеводами, притом в особую заслугу Разину ставят, что он „во казачий круг“, где руководящую роль играли домовитые казаки, „не хаживал“, а всегда „думал крепкую думушку с голытьбой“ и кровью своей защищал „людей бедных, добрых молодцев, людей беглых“.

ПУГАЧЕВЩИНА

Еще ту же затянулась петля на шее крестьянина и всего тяглого населения после разгрома Разина.

Восемнадцатый век — эпоха расцвета крепостничества, эпоха узаконенного бесправия крестьянства и неограниченного господства дворянства. Имущество, права, все „состояние“ этого дворянства охранялись особыми царскими манифестами „о вольности дворянской“ и „жалованными грамотами“ непоколебимо и ненаруσιμο. Привилегии дворянства стали неотъемлемой частью „твердых и прочных постановлений“ „ко умножению благополучия и порядка“ в самодержавной России.

Все законодательство этого времени полно царских указов и распоряжений о предоставлении помещикам „полной власти без изъятия“ „над людьми и крестьянами своими“, о праве наказывать их за всякие „непристойные и дерзостные поступки“ каторжными работами, сдачей в рекруты и т. д.

Плети, розги, батоги и самые жестокие пытки крестьян в застенках любого помещика стали обычным, повсеместным явлением. Даже Екатерина II в своих мемуарах не могла не отметить, что „нет дома, в котором не было бы железных ошейников, цепей и разных других инструментов для пытки при малейшей провинности“ крепостных.

Помещики в особых „журналах“ по управлению имениями отдавали ряд распоряжений, за что и как наказывать крепостных. За воровство,

пьянство, нарушение приказа ежегодно говеть и причащаться, за невыполнение самых вздорных приказов помещиков полагались штрафы, розги, плети. Так, в одном из журналов 60-х годов читаем: „Впредь Феклу Яковлевну именем и отчеством не звать никому, а звать ее всем трусихой и лживицей, а ежели кто именем и отчеством назовет, того сечь розгами по 5 000 раз нещадно“. Такие же наказания предписывались, „ежели когда во время езды в гости не положится в карман гребенка, да для чищения платья не возьмется щетка“, за плохо протопленную печь, не по вкусу помещика приготовленный окорок и т. д. и т. д. Жаловаться на помещиков строго воспрещалось, предписывалось крестьянам „не верить“, а челобитчиков наказывать „публично плетми“ и „ссылать вечно в Нерчинск“. Если же дело и доходило до суда, то и здесь любое уголовное преступление дворянина не могло вершиться „без внесения в сенат и конфирмации¹ императорского величества“.

Дворянам, освобожденным от всяких налогов, безгранично усиливавшим эксплуатацию крестьян в центральной России, десятками тысяч десятин раздавались земли в южных и восточных губерниях за „заслуги, ревность, усердие и непоколебимую верность самодержцам всероссийским“. Барщинное хозяйство распространилось и в тех далеких краях, где еще недавно были вольные казацкие порядки. Последние земли экспроприировались у татар, чувашей, башкир, разоренных вследствие бесконечных поборов и взяток чиновников и христианских „проповедников“. Недостаток в рабочих руках в новых краях пополнялся массовой раздачей крестьян помещикам. За первые только десять лет царствования Екатерины II (1762—1772 гг.) помещики получили более 66 000 душ мужского пола, не считая женщин и детей.

Такой бурный расцвет барщинного хозяйства объяснялся прежде всего тем, что хлеб наравне с другими предметами сельского хозяйства стал одним из наиболее выгодных товаров не только внутренней, но и внешней торговли. После войн со Швецией и Турцией были открыты царской России новые пути — Балтийское и Черное моря. За 30 лет (1764—1794 гг.) по одному Черному морю вывоз увеличился с 59 097 руб. до 1 295 563 руб. Цены на хлеб в связи с экспортом быстро повышались, и помещик все шире захватывал землю, заставляя работать крестьянина на своих обширных владениях, плантациях по 3—4 раза в неделю, а в Поволжье и на Урале, где рабочих рук было меньше, и все 6—7 дней.

Эта безмерная эксплуатация крестьянства развивалась как в деревнях, так и на вновь выросших мануфактурах и заводах, где работали те же крепостные. Крестьяне целыми деревнями приписывались к за-

¹ Утверждение решения.

водам. Такие „приписные“ крестьяне, имеющие свои земельные участки сплошь и рядом на расстоянии 440—770 километров от завода, не могли уже, конечно, вести свое хозяйство, — „пришли во всеконечное разорение и нищету“, „единственно от заводской работы питались“ и превращались в крепостных пролетариев.

Самые условия работы на фабриках и заводах того времени были в полном смысле этого слова каторжные. Работали здесь в тесных, полутемных, сырых помещениях, работали от зари до зари за нищенскую оплату, да и ту „нередко затаивают... шесть лет“, „а кто-де только о жалованье станет говорить, — рассказывал один современник, — то сажают под караул и в ссылки рассылают“. И здесь, как и в деревне „незнаемо, за что били батожьями и кнутьями“, забивали в колодки, отправляли в рекруты. Фабричный крепостной не мог даже покупать себе продуктов иначе, как в заводской лавке, притом по ценам много выше рыночных — „какая положена будет“. „Работные люди“ дольше 30—40 лет не выживали, вымирали от повальных болезней; вместо вымерших к заводам приписывались новые деревни. Всякие попытки к жалобе, возмущению, бунту царское правительство беспощадно подавляло. По дорогам к крупнейшим заводам XVIII века держались специальные караульные отряды. Но и этого было недостаточно: помещикам приходилось вызывать из губернских городов драгун и гренадер для усмирения все разраставшихся волнений крепостных рабочих, нередко вооруженных ружьями, копьями и т. д. Самая приписка крестьян к заводам не обходилась без крестьянских волнений, для подавления которых требовалось иногда очень значительное вмешательство военных отрядов.

И казацкие вольности к этому времени исчезли бесследно. Атаманы назначались уже правительством, все управление было сосредоточено в войсковой канцелярии, целиком подчиненной бюрократическому правительственному аппарату. Казаков фактически стремились обязать нести регулярную службу, вплоть до обязанности подавлять нарастающие волнения. Обедневшее казачество находилось в полной зависимости от зажиточной части — „старшинской стороны“ и монополиста-купца.

Волнения крестьян, рабочих людей, казаков, инородцев начались задолго до Пугачева. Они разгорались не только на Урале и на юге, но и в центральной России. В одной Московской губернии за 5 лет (1764—1769 гг.), по официальным данным, было убито до 30 дворян. А сколько убийств не попало в эти официальные данные, сколько было неудавшихся покушений!

На Урале эти волнения приняли грандиозные размеры. Здесь и эксплуатация была сильнее, и роль купцов была больше, и более

живы были воспоминания о былой казацкой вольной жизни. Вот почему Урал стал центром нового восстания — пугачевщины, — охватившего колоссальное пространство с запада на восток (от Владимирской и Рязанской губерний до самой Сибири) и с юга на север (от реки Урала и киргизских степей, земель войска донского до Казани, Перми и Екатеринбурга).

Емельян Иванович Пугачев появился в яицких степях осенью 1773 г., вскоре после беспощадной царской расправы над яицким казачеством, которое отказалось преследовать калмыков, бежавших из России на 30 000 кибитках. Войска Пугачева быстро пополнялись казаками, работными людьми, крепостными и представителями угнетенных народов. Уральские заводы стали основной базой Пугачева: они снабжали его не только людьми, но и ружьями, пушками, свинцом, порохом и т. д.

Манифесты Пугачева — это целая программа освобождения крестьянства от крепостничества, направленная против власти помещиков и вотчинников, „сущих преступников закона и общего покоя“, и господства „компанейщиков“, которые „завели премножество заводов и так крестьян работой утрудили, что и в ссылках того никогда не бывало“. Эти манифесты обращались не только к яицким казацким войскам, но и ко „всем войску и народам“, „на сем свете живущим“, и далеко распространялись, „на всех дорогах, местах, деревнях“. Пугачев всех восставших жаловал „крестом и бородой“ (раскольники, которых преследовало царское правительство, были верными союзниками Пугачева), рекой, землею, травами, и морями, и денежным жалованьем, и хлебным провиантом, и свинцом, и порохом, и вечною вольностью, посылал нарочных в башкирские земли, жаловал их „верою и законом“, всему тяглу населению обещал освобождение от всех податей и повинностей и призывал всех „казнить“ помещиков „смертно“, а дома и все их имение брать себе в „награждение“.

Пугачев всеми мерами стремился обеспечить свой тыл, приказывал под страхом смертной казни не грабить, „не чинить крестьянам никаких обид“, платить за провиант, на заводах выплачивать жалованье и т. д. В занятых Пугачевым местностях вводилось выборное самоуправление, учреждались земские избы, заводы работали, изготовлялось оружие.

Большая часть восставших верила, что Пугачев — действительно чудесно спасшийся от смерти Петр III, другая же часть, считая Пугачева вольным казаком, говорила: „Пусть это не государь, а донской казак, но он вместо государя за нас вступит, а нам все равно, лишь бы быть в добре“.

С Яика Пугачев пошел к Оренбургу, занимая один за другим форпосты и крепости. Под Оренбургом, в декабре 1773 г., у него уже было до 15 000 войска и 86 орудий. Дальнейшее продвижение было

отложено по воле самих казаков, которые мечтали Яик сделать столицей и все свои планы ограничивали попрежнему стремлением восстановить казацкие вольности. Эта задержка имела решающее значение: правительство успело стянуть войска к очагу восстания. Генералы далеко не всегда были победителями, и нередко приходилось одного заменять другим вследствие тех „конфузий“, которые наносили им войска Пугачева.

В официальных донесениях царских генералов красной нитью проходит неуверенность в своих силах, подчеркивается ненадежность кратковременных успехов. „Не неприятель опасен, какое бы множество его ни было, — писали генералы, — а народное колебание, дух бунта и смятение. Ведь не Пугачев страшен, а важно всеобщее негодование“. Эти генералы постоянно указывали на „предательство и непослушание от жителей“, на то, что „зло распространяется весьма далеко“. Восстание в это время охватило все Поволжье, Закамский край и проникло далеко в глубь Башкирии.

Только 23 марта 1774 г. Оренбург после ожесточенных боев был занят генералами. Но тем же летом у Пугачева набралось 25 000 войска, с которым он двинулся к Казани. Полковник Михельсон о битве под Казанью сообщал, что „пугачевцы наступили с такой пушечной и ружейной пальбой и с таким отчаянием, коего только в лучших войсках найти надеялся“. Дорого далась царице победа под Казанью.

Да и эта победа далеко не означала конца восстания. Ряд атаманов с не меньшим „отчаянием“ доказал генералам, что с армией Пугачева приходилось ожесточенно сражаться, чтобы ее разбить окончательно. Ряд городов — Уфа, Екатеринбург и др. — оказывал самое жестокое сопротивление царским усмирителям. Мало помогали и царские обещания о наградах в 10 000 рублей за поимку Пугачева и приказы генералов всеми мерами „все злоумышления прекратить“. Почти целый год продолжалась еще борьба правительства с пугачевщиной. Только осенью 1774 г., недалеко от Черного Яра, пугачевцы потерпели решительное поражение. Пугачев пытался бежать, но неудачно — его выдали ближайшие помощники.

4 ноября Пугачева привезли в Москву. По приговору суда его должны были четвертовать, части тела развезти по четырем концам города и сжечь. Но палач оказался более милостивым, чем ставленники царицы и помещиков: он „по ошибке“ сразу отрубил Пугачеву голову. Казнь Пугачева была совершена 10 января 1775 г. в Москве, на Болоте. Не менее жестоким наказаниям подверглись верные атаманы Пугачева, даже многие рядовые пугачевцы. Карательными отрядами „были сбриты“ целые местности, занятые пугачевцами. Даже после подавления вос-

стания Пугачев был страшен, опасен дворянам, и было сделано все, чтобы стереть всякое напоминание об очагах восстания: река Яик была переименована в Урал, яицкие казаки стали называться уральскими, Зимовейскую станицу, родину Пугачева, переименовали в Потемкинскую и т. д. В XIX столетии Пушкин выразил этот панический страх дворян перед „мужицким“ восстанием известными словами: „не дай бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный...“

Для одного из усмирителей восстания, графа Панина, неизвестный художник XVIII столетия нарисовал портрет Пугачева (этот портрет и приведен в альбоме).

Пугачев здесь представлен злодеем, исчадием ада, олицетворением этого „крестьянского бессмысленного бунта“ против прав и привилегий „благородного“ дворянства.

★

Восстание Пугачева было последним великим крестьянским восстанием в крепостной России. После него много раз происходили разрозненные крестьянские „бунты“, но такого единого, массового движения, как при Пугачеве, русское крепостное крестьянство больше не поднимало.

Разбив Пугачева, крепостники-помещики могли беспрепятственно продолжать закрепощение крестьян. К концу царствования Екатерины, которую русские дворяне прозвали своей „матушкой-императрицей“, крепостное право достигло наивысшего расцвета. Крестьянин сделался полной и безраздельной собственностью помещика и обязан был всю свою жизнь работать на барина.

Самодержавная, крепостническая Россия жила за счет беспощадной эксплуатации крестьян. Характеризуя положение крепостных крестьян, Ленин в 1912 г. писал: „Этот (царский) строй есть старое рабство, рабство миллионов трудящихся ради богатства, роскоши, тунеядства „верхних“ десяти тысяч. Каторжная работа, как всегда у рабов, и полная беззаботность богачей насчет судьбы рабов: прежде прямо морили голодом рабов, прямо брали женщин в гаремы барина, прямо подвергали крестьян истязаниям“ (Ленин, изд. 3-е, том XV, стр. 415).

С каждым годом возрастала эксплуатация крепостных крестьян и усиливался гнет крепостничества. Во второй половине XVIII века, когда Россия начала вести большую хлебную торговлю с Западной Европой, помещичьи имения стали превращаться в хлебные фабрики. Помещик теперь был особенно заинтересован в том, чтобы выколачивать из крестьянина как можно больше хлеба и непрерывно увеличивать барщину.

Забитый, вечно голодный крестьянин, работавший из-под палки на

своего угнетателя и смотревший на смерть как на избавление от мучений, не мог быть хорошим и выгодным работником. Помещики начинали понимать, что труд вольнонаемных рабочих выгоднее и производительнее крепостного. У части помещиков появилась даже мысль о необходимости несколько ослабить крепостное право. Через несколько лет после французской революции 1789—1793 гг. Радищев написал книгу „Путешествие из Петербурга в Москву“. В этой книге Радищев нарисовал потрясающую картину крепостного права и жизни крестьянина. Обращаясь к помещикам, он говорил: „Звери алчные, пиявицы ненасытные, что мы крестьянину оставляем? То, чего отнять не можем,—воздух. Да, один воздух. Отнимаем у него не только дар земли—хлеб и воду, но и самый свет“. Сейчас же после выхода этой книги Радищев был арестован, приговорен к смертной казни и только „по милосердию и всеобщей радости“, в виду заключения мира со Швецией, смертная казнь была заменена ссылкой в Сибирь, в Илимский острог на десятилетнее „безысходное пребывание“.

Так расправлялось царское правительство за издание книги, „наполненной, по словам приговора, самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный..., стремящимися к тому, чтобы произвести в народе негодование противу начальников и начальства“...

ДЕКАБРИСТЫ

Долго никто не решался поднять голос с призывом об отмене крепостного права. И только в 20-х годах XIX века в России возникла организация, цель которой заключалась в борьбе с неограниченным самодержавием и в уничтожении крепостного права. Эта организация вошла в историю под именем „декабристов“.

Организация декабристов почти целиком состояла из военных. Инициаторами заговора оказались именно военные, потому что во время войны с Наполеоном русская армия заняла Париж и простояла там около года. И солдаты и офицеры познакомились с иной жизнью, чем в крепостнической России. По возвращении в Россию им пришлось возобновить старую казарменную жизнь, от которой они отвыкли за время походов и пребывания за границей. Снова солдаты должны были целыми днями заниматься тяжелой муштровкой, мучительными упражнениями, „вытяжкой носков“, „держанием ноги навесу“ и т. п. Военная служба, по словам одного офицера-декабриста, „в течение 25 лет была почти каторгой“. За малейший проступок, за малейшую ошибку на параде солдата „прогоняли сквозь строй“, т. е. забивали палками насмерть.

Особенно усердно внедряли палочную дисциплину в тех полках, которые побывали за границей. „Надо подтянуть и выбить дурь из голов этих молодчиков“, — говорил Аракчеев, глава русской реакции того времени.

Крутые меры, предпринимавшиеся военным командованием, вызывали волнения среди „обучаемых“ солдат. Особенно сильны были волнения в Семеновском полку в 1820 г. Солдаты отказались повиноваться, и правительство с трудом нашло воинские части, которые можно было послать на их усмирение. Петербургский гарнизон громко выражал сочувствие семеновцам. Полковые командиры боялись, что в их частях начнутся такие же волнения. Один из полковых командиров писал: „Каждый почти был неуверен в своих подчиненных и страшился, чтобы у него того же не произошло“.

Недовольство, царившее в армии, захватило и часть офицеров. Среди них начали возникать тайные кружки, из которых и сложилась тайная революционная организация.

Декабристы не были единой партией с одной программой, с одной целью. Среди них было несколько течений, боровшихся между собою. Более революционную часть составляло „Южное общество“, называвшееся так потому, что оно существовало на юге России. Многие из членов „Южного общества“ поддерживали связь с бывшими солдатами Семеновского полка, разосланными теперь по южным русским армиям.

Вождем „Южного общества“ был Пестель. Он написал программу деятельности Общества. В этой программе, названной им „Русской правдой“, Пестель предлагал установить в России республику. Он считал, что крепостное право должно быть полностью отменено, и должно быть проведено такое „разделение земель“, чтобы каждому „пользоваться для его житья“. По замыслу Пестеля, революция должна была сопровождаться восстанием армии и флота, убийством всех членов императорского дома и установлением революционной диктатуры.

Значительно умереннее было „Северное общество“, состоявшее из петербургского офицерства. „Северное общество“ было против республики и хотело лишь получить „конституцию“, т. е. создать представительное учреждение, которое предварительно обсуждало бы вместе с царем издаваемые законы. „Северное общество“ предполагало организовать представительный орган почти исключительно из имущих классов. Бывшим крепостным никаких избирательных прав не предоставлялось. Крепостное право должно было быть отменено, но почти вся земля, находившаяся в пользовании у крестьян, должна была быть отдана помещикам.

„Северное общество“ выражало настроения той части помещиков,

которая была экономически заинтересована в отмене крепостного права. Оно мечтало о том, чтобы получить конституцию мирным путем из рук царя. Члены „Северного общества“ больше всего боялись крестьянской революции. Пугачевщину они ненавидели с не меньшей силой, чем все русское дворянство.

В марте 1822 г. Пестель приехал в Петербург. Ему не удалось добиться принятия своей революционной программы, но Северное и Южное общества обязались известить друг друга в случае открытого революционного выступления. Сначала это восстание предполагали назначить на лето 1826 г., но вследствие благоприятно сложившихся обстоятельств оно произошло на полгода раньше. В ноябре 1825 г. неожиданно умер Александр I. Наследником русского престола должен был стать его брат Константин. Армия присягнула Константину, но последний отказался от престола. Наследником оказался Николай, которого все ненавидели. Эту всеобщую ненависть декабристы решили использовать, и во время присяги Николаю должно было начаться восстание. Инициаторами его должны были быть те воинские части, которыми командовали офицеры-декабристы.

О подготавливавшемся против него выступлении Николай был предупрежден полицией за несколько дней. Но он был слишком слаб и неуверен в своих силах, чтобы сразу принять решительные меры, а отложить присягу было нельзя. Впоследствии Николай говорил, что все эти дни он чувствовал, что „идет на гибель“. В ночь на 13 декабря он писал: „Послезавтра по утру я—или государь или без дыхания“.

14 декабря 1825 г. настал день восстания — день присяги. Присягу начали принимать ранним утром, на заре. Первые полки, не связанные с декабристами, присягнули почти без всякого сопротивления. Это привело Николая в восторг, и к 9 часам утра он решил, что все сойдет „благополучно“, но получил ответ: „День еще не кончился, подождем окончания дня“.

В это время Московский полк, которым командовал декабрист Бестужев, взяв боевые патроны, с барабанным боем, с криками: „не хотим Николая“ вышел из казарм и отправился на Сенатскую площадь. Там он выстроился в боевом порядке. Часа через полтора к нему присоединились часть гренадер и гвардейский морской экипаж. Всего на площади сосредоточилось около 2000 человек восставших (см. картину Д. Кардовского „Восстание на Сенатской площади в Петербурге 14 декабря 1825 г.“).

Как только петербургская беднота (рабочие и ремесленники) узнала о том, что началось восстание против ненавистной и опостылевшей власти, она толпами бросилась к Сенатской площади, окружила

ее и начала громко выражать сочувствие восставшим. Когда один из генералов, посланный Николаем, показался на площади, то, как рассказывали очевидцы, народная толпа, скопившаяся вокруг стройки Исаакиевского собора, встретила этого генерала „в поленья“ и „чуть не убила его камнями“.

В течение нескольких часов Николай находился в состоянии полной растерянности. Когда на усмирение „бунтовщиков“ был выведен лейб-гвардии гренадерский полк, солдаты говорили: „В кого нам стрелять? Неужели в своих?“ И значительная часть их вскоре примкнула к восставшим. Однако в лагере восставших господствовала не меньшая растерянность. Декабристы боялись массового народного движения. Увидев, что на помощь к ним хлынула петербургская беднота, они настолько испугались, что предпочли отказаться от борьбы. Вожди заговора покинули Сенатскую площадь и разошлись по домам, и только несколько человек мужественно оставалось на площади до конца.

Вследствие этой растерянности декабристы не использовали благоприятных для восставших утренних часов, когда в правительственном лагере царила паника.

После полудня правительством были собраны „верные“ войска, которые заняли все выходы с Сенатской площади. Кавалерии отдан был приказ атаковать восставших, но революционные войска встретили атакующих выстрелами, а копыта коней скользили по обледенелой мостовой. После долгого совещания решено было прибегнуть к помощи артиллерии и расстрелять мятежников картечью.

Восставшие стояли на площади уже много часов. Руководители вместо того, чтобы действовать, предпочитали выжидать и говорили солдатам, изнемогавшим от бездействия: „Погодите, братцы, погодите маленько, мы скоро кончим“. Толпа, окружавшая площадь, поддерживала восставших сочувственными выкриками. А стоять было не легко: дул холодный северный ветер, солдаты были в одних мундирах, без шинелей, с утра ничего не ели. Несмотря на это, они мужественно держались, и никто не хотел сдаваться.

Когда Николай показался на площади, восставшие встретили его беспорядочными выстрелами. „После первых же выстрелов со стороны восставших, — рассказывал впоследствии Николай, — рабочие Исаакиевского собора из-за забора начали кидать в нас поленьями“.

В 3 часа пополудни начало уже смеркаться, и Николай решил действовать. Особенно смущало и волновало его поведение толпы. В своих записках он впоследствии объяснил, почему была пущена в ход картечь. Он говорил: „Так как день клонился к вечеру, и явилось опасе-

ние, что волнение передастся черни и произойдет смятение, нужны были решительные меры“.

Николай командовал расстрелом сам. Когда он отдал команду „пли“, залпа не последовало. Командир артиллерийской части соскочил с лошади, подбежал к фейерверкеру и спросил, почему не было ни одного выстрела. „Свои, ваше благородие, — отвечал фейерверкер, — отказываются стрелять... Наконец, по приказу офицера первый залп был дан по толпе народа, затем начали расстреливать восставших солдат. „Картечь на таком близком расстоянии произвела ужасное опустошение“, — рассказывал современник, присутствовавший на Сенатской площади в эти трагические минуты: „Все бежали в разных направлениях, и площадь, за миг перед тем кипевшая народом, совершенно очистилась скорее, нежели сколько нужно было нам, чтобы написать эти строки“.

Восстание 14 декабря 1825 г. было подавлено. „Декабристов, — пишет М. Н. Покровский, — победил на Сенатской площади не столько Николай, со своей картечью, сколько призрак пугачевщины. Ужас перед этим призраком сковал их руки в самую решительную минуту и навсегда погубил буржуазную революцию в России“.

Значительно решительнее и революционнее было выступление „Южного общества“. В отличие от северян, боявшихся солдатской революции и не вовлекавших солдат в заговор, южане вели энергичную агитацию непосредственно в войсках. В конце декабря, южане подняли вооруженное восстание. Черниговский полк, в котором у декабристов была организация, где было много бывших семеновцев, выступил с заряженными ружьями против целой армии. Армия к полку не примкнула, и восстание было подавлено с помощью артиллерии.

Еще не успел рассеяться пороховой дым, окутавший Сенатскую площадь после артиллерийского расстрела, как начались аресты „заговорщиков“. Арестами и допросами руководил сам Николай. Допросы тянулись непрерывно в течение нескольких месяцев. Приговор был жесток и беспощаден: 5 человек, в том числе Пестель, 13 июля 1826 г. были повешены в Петропавловской крепости. Остальные осуждены на каторгу и навеки отправлены в Сибирь. Рассказывают, что когда вешали С. И. Муравьева, он дважды срывался и падал — веревка была гнилая. „Проклятая страна, — воскликнул он, — даже повесить как следует не умеют“.

Почему же мы, когда изучаем историю революционного движения в России, останавливаемся на движении декабристов — этих дворянски-помещичьих революционеров первой половины XIX века? Потому, что восстание декабристов было первым организованным революционным движением, направленным против самодержавия и крепостничества.

„Южное общество“ первое в России подняло знамя борьбы за демократическую республику. Декабристы первыми в России восстали с оружием в руках против царизма, их поддержали народные массы. „Поскольку тогда была пролита народная кровь во имя народного дела, постольку у нас есть все основания вспоминать 14 декабря 1825 г.“,— писал М. Н. Покровский.

Тридцатилетнее царствование императора Николая I или, как прозвали его современники, Николая Палкина представляет собой эпоху глухой реакции. Самодержавное правительство посвятило все свои силы борьбе против революции. Полицейско-дворянское государство бешено преследовало каждого, кто пытался выступить против крепостного права, кто с уважением и любовью вспоминал о движении декабристов. Дворяне мечтали о том, чтобы, как выразился один из правительственных деятелей того времени, „заморозить Россию лет на двадцать“, остановить ее развитие и сохранить крепостное право неприкосновенным. Лозунгом правительства сделалась знаменитая программа русской реакции, выраженная в трех словах: „православие, самодержавие и народность“.

НАРОДНИЧЕСТВО

Крепостники-помещики, конечно, не могли остановить экономического развития России и разрушения старых отношений. Крестьянство, задыхавшееся в тисках крепостного права, с каждым годом усиливало борьбу за свое освобождение, все чаще и упорнее „бунтовало“ против помещиков. В то же время значительная часть помещиков теперь еще более была заинтересована в том, чтобы перейти к вольнонаемному труду и отменить крепостное право. И под влиянием крымской войны, во время которой крепостная Россия обнаружила все свое бессилие и потерпела поражение, под влиянием все учащавшихся крестьянских „бунтов“, принимавших все большие размеры, первый русский помещик, царь Александр II, заявил, что лучше освободить крестьян сверху, чем ждать, пока они освободятся снизу. Царское правительство приступило к „освобождению“ крестьян.

„Крестьян „освобождали“ в России сами помещики, помещичье правительство самодержавного царя и его чиновники,— писал Ленин.— И эти „освободители“ так повели дело, что крестьяне вышли „на свободу“, ободранные до нищеты, вышли из рабства у помещиков в кабалу к тем же помещикам и их ставленникам“.

„Русских крестьян господа благородные помещики „освобождали“ так, что свыше пятой доли крестьянской земли было отрезано в

пользу помещиков. За свои потом и кровью политые крестьянские земли крестьяне были обязаны платить выкуп вчерашним рабовладельцам. Сотни миллионов рублей этой дани крепостникам выплатили крестьяне, разоряясь все более и более. Помещики не только награбили себе крестьянской земли, не только отвели крестьянам худшую, иногда совсем негодную землю, но сплошь да рядом понаделали ловушек, т. е. так размежевали землю, что у крестьян не осталось то выпасов, то лугов, то леса, то водопоя. Крестьяне в большинстве губерний коренной России остались и после отмены крепостного права в прежней, безысходной кабале у помещиков. Крестьяне остались и после освобождения „низшим“ сословием, податным быдлом, черной костью, над которой измывалось поставленное помещиками начальство, выкачивало подати, пороло розгами, рукоприкладствовало и охальничало“ (Ленин, том XV, стр. 109).

Крепостники-помещики и самодержавное правительство провели реформу так, чтобы ограбить крестьян и обогатить дворян. У крестьян были отрезаны лучшие земли, крестьян переселяли „на песочек“, и в землю, оставленную крестьянам, клином врезывалась помещичья земля, так что крестьяне снова должны были идти в кабалу к дворянам, снимая у них землю по ростовщической цене (см. картину К. Савицкого „Спор на меже“, изображающую столкновение крестьян с помещиком, отрезывающим крестьянскую землю).

„Великая реформа“ еще более разорила и ограбила крестьян, и после объявления „свободы“ начались крестьянские восстания во многих губерниях, особенно черноземных, где больше всего были „урезаны“ наделы крестьян. В первые годы после 19 февраля произошло около 2 000 крестьянских бунтов, иногда довольно больших, усмиренных расстрелами. Однако крестьянство без руководства пролетариата (который тогда еще не сложился в класс) не могло победить, поэтому правительство, хотя и с трудом, подавило крестьянские волнения.

В эпоху, наступившую после „освобождения“ крестьян, в России сложилось революционное движение, получившее название „народничества“.

Большинство народников составляла интеллигентная молодежь: студенты, учителя, врачи. Беспросветная нужда и нищета народных масс производили на эту интеллигенцию тяжелое, удручающее впечатление. „Народолюбивая“ интеллигенция стремилась помочь народу, послужить ему. Однако интеллигенция не могла найти пути к освобождению народа,—указать этот путь способен только пролетариат,—поэтому народническое движение окончилось полным поражением.

Народники мечтали об установлении социалистического строя. Но

к социализму они думали прийти не через революцию и диктатуру пролетариата, а через крестьянскую общину. Социалистическое общество, по их мнению, должно было быть союзом мелких общин. Социализм народников был не пролетарским, а мелкобуржуазным социализмом.

На первых порах после крестьянской реформы народническая интеллигенция ждала всеобщего крестьянского восстания. Но эти ожидания не оправдались: крестьяне не были в состоянии подняться на открытую широкую, сознательную борьбу за свое освобождение. Тогда, в начале 70-х годов, тайные революционные народнические организации приняли решение пойти в „народ“ с тем, чтобы вести среди народа революционную пропаганду и готовить народное восстание.

„Хождение в народ“ началось весной 1874 г. В нем приняло участие свыше тысячи человек, преимущественно студенты и курсистки. Подготовившись к работе акушерской, фельдшерской или педагогической или же переодевшись в крестьянское платье, пропагандисты отправлялись в деревни.

„Хождение в народ“ кончилось полной неудачей. Народники не знали крестьян, толковали о каком-то отвлеченном, непонятном социализме, не считаясь, не понимая действительных запросов и интересов крестьянства. Поэтому крестьяне слушали пропагандистов, как слушают занятную сказку, иногда даже и слушать отказывались. Нередко пропагандиста прерывали словами: „Нет, царя ты не касайся“, — и объясняли, что зло, мол, от помещиков, а царь — он хороший и добрый, только его обманывают чиновники и дворяне. Но когда-нибудь царь узнает правду о страданиях народа и сам разделит помещичью землю между крестьянами. Бывали даже такие случаи, когда крестьяне сами задерживали „смутьянов“ и отводили их в полицию.

„Хождение в народ“ продолжалось недолго: к концу 1874 г. почти все участники этого похода в „народ“ были арестованы (см. картину И. Репина „Арест пропагандиста“, изображающую арест участника „хождения в народ“). На суде, в тюрьме и на каторге арестованные вели себя с поразительным мужеством и бесстрашием (см. картину В. Перова „В холодной“, на которой изображен арестованный и связанный пропагандист, продолжающий, несмотря на это, вести пропаганду среди сторожащих его крестьян; см. также картину В. Маковского „Допрос революционерки“).

Неудача „хождения в народ“ заставила искать иных путей революционной работы. Основная часть народников решила стать на путь террористической борьбы против правительства и образовала в 1879 г. партию „Народная воля“. При помощи террора народовольцы думали

свергнуть самодержавие, произвести революцию и созвать Учредительное собрание. Народовольцы считали, что революция может быть совершена кучкой революционеров, которые выступят против правительства, убьют царя и наиболее влиятельных министров; правительство, как рассчитывали народовольцы, будет обезглавлено и растеряется, в то же время народовольцы возбудят народные массы, заранее собранные боевые силы начнут восстание — и революция будет совершена.

Исходя из этой программы, возглавлявший партию Исполнительный комитет „Народной воли“ признал нужным в первую очередь казнить русского царя Александра II. 26 августа 1879 г. Исполнительный комитет вынес смертный приговор царю. „Александр II является олицетворением деспотизма, лицемерного, трусливо-кровавого, — писал Исполнительный комитет, — Александр II — главный представитель узурпации народного самодержавия, главный столп реакции, главный виновник судебных убийств... Он заслуживает смертной казни за всю кровь, им пролитую, за все муки, им созданные... Борьба непримирима, пока в нас есть хоть капля крови, пока на развалинах самодержавного деспотизма не разовьется знамя народной свободы, пока народная воля не сделается законом русской жизни“ (см. картину И. Репина „Террористы“, изображающую заседание, на котором обсуждается план убийства Александра II).

С этого времени все силы народовольцев были брошены на „охоту на коронованного зверя“. Был совершен целый ряд покушений на царя. Осенью 1879 г. Исполнительный комитет решил взорвать царский поезд по пути из Крыма в Петербург, и в трех местах были сделаны подкопы под насыпь и заложен динамит. Работа была невыносимо тяжелой. Вот как описывает эту работу по подкопу один из его участников: „Работа производилась со свечой. Двигаться по галлерее можно было только лежа на животе или приподнявшись немного на четвереньки... В день, при работе с 7 утра до 9 вечера успевали вырыть от 2 до 3 аршин. Работа внутри была утомительна и тяжела по неудобному положению тела, недостатку воздуха и сырости почвы: холодная осенняя сырость давала себя чувствовать“.

Попытки взорвать царский поезд не удались. В первом подкопе вследствие технических неполадок взрыва не произошло, во втором, московском, взрыв удался, но был взорван не царский поезд, а поезд с царской прислугой.

Следующее покушение на царя было совершено рабочим Степаном Халтуриным. Он поступил столяром в царский дворец, постепенно принес туда большое количество динамита и взорвал царскую столовую,

но взрыв произошел несколькими минутами раньше прихода в нее Александра II, и таким образом и на этот раз ему удалось избежать казни.

Наконец, план покушения на царя увенчался успехом. 1 марта 1881 г. Исполнительный комитет, зная, что царь поедет в манеж, расставил на улицах, по которым он должен был проезжать, метальщиков с бомбами. Первая бомба, брошенная в царскую карету Рысаковым, разбила карету, но царь остался невредимым. Вторую бомбу бросил Иосиф Гриневицкий и смертельно ранил Александра II и себя.

Почти все участники заговора и покушений были арестованы, и 3 апреля 1881 г. на Семеновском плацу 5 из них были повешены.

Александр II был казнен, но надежда народовольцев на революцию не осуществилась. Не осуществилась потому, что революция не может, конечно, быть совершена кучкой самоотверженных героев; ее могут совершить только народные массы, а социалистическую революцию может произвести только рабочий класс, и только во главе с ним крестьянство могло победить в борьбе против помещичьего, самодержавного строя,

но рабочий класс в России был в то время еще недостаточно многочислен и силен, чтобы возглавить революционную борьбу.

В статье „Памяти Герцена“ Ленин писал: „Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию. Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями „Народной воли“.

Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. „Молодые штурманы будущей бури“, — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря.

„Буря — это движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян. Первый натиск бури был в 1905 г.“ (Ленин, том XXV, стр. 468—469).

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ И РЕВОЛЮЦИЯ 1905 ГОДА

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

„Освобождение“ крестьян в 1861 г. не уничтожило крепостничества. „Великая реформа“, по словам В. И. Ленина, „была крепостнической реформой и не могла быть иной, ибо ее проводили крепостники“. Эта реформа была вырвана у крепостников силой экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма.

После 60-х годов, особенно к концу XIX века, мы видим значительный рост фабрик, заводов и рудников и усиленное строительство железных дорог. Этот рост фабрик и заводов В. И. Ленин иллюстрирует следующими показательными цифрами: в 1866 г. в Европейской России было 2,5—3 тысячи заведений (с числом рабочих более 16 человек в каждом), в 1879 г. таких заведений было уже 4,5 тысячи, в 1890 г. — около 6 тысяч, в 1894—1895 гг. — около 6,4 тысячи, в 1903 г. — около 9 тысяч. Общее количество рабочих с 1865 по 1890 г. увеличилось на 65% в фабрично-заводской промышленности и на 107% — в горнозаводских предприятиях.

На эти предприятия шли разоренные, обнищавшие, обобранные правительством и помещиками крестьяне, которые все более порывали связь с деревней, с сельским хозяйством. По переписи 1897 г. мы имеем уже 22 миллиона пролетаризированного населения.

Положение рабочих на фабриках и заводах пореформенной эпохи было чрезвычайно тяжелым. Нищенская оплата, вычеты и штрафы, изнурительная работа в совершенно неблагоустроенных помещениях, безграничная эксплуатация не только мужского, но еще более дешевого женского и детского труда, длительный рабочий день, жизнь в грязных, тесных казармах или жалких каморках и никакими законами не ограниченные

произвол и эксплуатация предпринимателями — такова была участь тех новых пролетариев, которых десятками тысяч гнали разорение и голод из деревень.

Нанимаясь на фабрику, рабочие сплошь и рядом даже не знали, сколько им соблаговолит заплатить фабрикант. Заработная плата была так мала, что ее едва хватало на самое жалкое пропитание. Накануне самой реформы, к концу 50-х годов, рабочие получали, в среднем, не более 10—14 рублей в месяц, а многие до 5-ти, 3-х рублей и даже меньше. Немногим выше была заработная плата после реформы, да и то рост дороговизны настолько снижал эту „повышенную“ заработную плату, что „свободный“ рабочий получал фактически еще меньше, чем крепостной. В 80-х годах заработная плата уменьшилась на 20—30%, а местами и на все 50%, сравнительно с дореформенной эпохой.

За эти жалкие гроши работали целые дни. „На работу нас поднимали в 4 часа утра, — рассказывают рабочие, — адская работа продолжалась до 8 часов вечера“.

Фабриканты выдавали зарплату в самые разные сроки, не более двух-трех раз в год, а иногда, чтобы прикрепить рабочих к фабрике, рассчитывались с ними только в конце года.

Рабочие вынуждены были при этом часть заработанных непосильным трудом денег получать натурой, в заводских лавках, где продукты были много хуже и дороже рыночных.

Кроме того, доходной статьей для фабриканта являлись штрафы, которые отнимали до 40—50% заработка рабочего. Штрафовали за курение, за перелезание через фабричный забор, за выход за ворота завода, за нехождение в церковь, за „сборище нескольких человек в одну

кучу“ и т. д. и т. д. Штрафование на фабриках и заводах было введено в своего рода систему, приносящую владельцам фабрик немалые доходы.

Немало вычитали с рабочих за брак, недоработки до нормы и т. д., причем никаких объяснений, почему тот или иной товар считался забракованным, не давали, самую норму устанавливали совершенно произвольно.

В результате всех этих вычетов, рабочие, приходя в контору за получкой, сплошь и рядом не получали и ожидаемых жалких грошей. „Бывали иногда случаи,— по словам одной нелегальной брошюры,— что рабочему ничего не платили: весь его заработок уходил на штраф“. Озлобление, возмущение, подавленность и отчаяние царили в конторе во время получки (см. картину худ. Н. И. Верхотурова „Расчет“).

Но хозяин, управляющий, служащие чувствовали себя под надежной охраной правительства, полиции, жандармов, увольняли вожakov и наиболее активных рабочих. За „дерзость или дурное поведение“, говорилось в одном законе того времени, администрация имела право досрочно увольнять рабочих (закон 1886 г.). Царские законы, сенатские разъяснения и министерские циркуляры давали фабрикантам полную возможность расправы с „бунтом“, стачкой рабочих. Они категорически предписывали местным властям „иметь самое строгое и неослабное наблюдение за фабричным и заводским населением и в особенности за всеми теми неблагонадежными личностями, которые могут иметь вредное влияние“; главных же „зачинщиков“ предлагалось „при первом известии о стачке немедленно высылать в одну из назначенных для того губерний“. Для постоянного наблюдения были разосланы агенты охраны „в места фабричные и промышленные“. Под угрозой штрафа фабрикантам предлагалось доносить в охранку и задерживать „распространителей вредных политических учений“ среди рабочих. Всякие общества, объединения, союзы, всякая связь с революционными организациями преследовались самыми строжайшими наказаниями.

Но, несмотря на все эти меры, правительству ни арестами, ни тюрьмами, ни ссылками, ни карательными отрядами не удалось подавить рабочее движение. С каждым десятилетием это движение становилось все более массовым, более организованным. Если в 60—70-х годах мы видим еще разрозненные, стихийные стачки, которые охватывают отдельные предприятия, то уже в 80-х годах эти стачки принимают настолько внушительный характер (за 1881—1886 гг. бастовало более 80 000 рабочих), что правительство вынуждено было итти и на некоторые уступки, издавать законы (законы эти, правда, мало выполнялись), ограничивающие до некоторой степени произвол и эксплуатацию фабрикантов. Забастовщики уже вырабатывают определенные требования:

о сокращении рабочего времени, уменьшении штрафов, коренном изменении условий найма, об уплате за время забастовки, установлении точных сроков выдачи заработной платы, о свободном выборе старосты в артелях, об увольнении служащих по требованию рабочих.

Стачки начинают охватывать целые районы. Все чаще становятся столкновения и с полицией. Правительство не может уже ограничиться одними репрессиями, как не достигающими целей. Царские министры пытаются „подражать“ революционерам и выпускают свои „прокламации“, в которых стремятся убедить рабочих, что „правительство заботится об улучшении их быта и облегчении их работы, насколько это можно и выгодно для самих рабочих“... Но рабочие, рассказывают современники, получив такую „прокламацию“ от полицейского, „просто рвали ее с упоминанием всех родителей“.

Пропаганда и агитация революционных кружков глубоко пустили корни. „Стачки 90-х годов,— писал Ленин,— научили рабочих понимать политическое положение и политические нужды рабочего класса“. Назревала революция...

КАНУН РЕВОЛЮЦИИ И РЕВОЛЮЦИЯ 1905 г.

Революция 1905 г., по определению Ленина, была „генеральной репетицией“ 1917 г. В 1905 г. пролетариат, руководивший освободительной борьбой всех трудящихся, впервые вступил в открытый, вооруженный бой с самодержавной Россией. Пролетариат потерпел поражение. Революция 1905 г. была подавлена. Лишь через 12 лет были разрешены поставленные ею тогда задачи. Однако это поражение ни в какой степени не уменьшает значения первой российской революции. 1905 г. был годом величайших уроков, величайших достижений, обеспечивших победу Октябрьской революции.

В 1905 г. пролетариат России выступил как класс, руководящий революцией, как гегемон (глава, руководитель) революции. Впервые в истории с такой глубиной, с такой последовательностью осуществлялся союз рабочего класса и крестьянства во главе с рабочим классом. Революция 1905 г. была народным восстанием под руководством пролетариата. Это была демократическая революция, которая в своем победоносном развитии должна была перерасти с социалистическую.

Революция 1905 г. доказала, что без сознательно организованной, планомерно ведущейся гражданской войны невозможно освободиться от гнета капитала. Ни в одной из предшествующих революций стачки не играли такой роли, как в революции 1905 г., и русский пролетариат показал, каким сильным и опасным для врага можно сделать оружие всеобщей забастовки. В 1905 г. были созданы первые советы рабочих

депутатов как новые формы революционной власти. В 1905 г. большевистская партия — единственная партия революционного пролетариата — сделалась массовой партией и закалилась в борьбе.

В этом — уроки и завоевания революции 1905 г.

Для того, чтобы понять, почему революция 1905 г. имело такое исключительное значение и превратилась в подлинную „генеральную репетицию“ 1917 г., необходимо поближе присмотреться к экономическим отношениям и классовым противоречиям в России накануне революции.

В конце XIX — начале XX веков Россия была самым отсталым, самым реакционным из всех европейских государств. Государственная власть принадлежала крепостникам-помещикам. Нигде в Европе не были столь велики привилегии помещиков, столь сильны остатки крепостничества, столь безграничны нищета и бесправие трудящихся масс, как в царской России.

Страной управлял самодержавный царь, который сам называл себя „первым помещиком“ и „первым купцом земли русской“. Самодержавие было ничем неограниченной властью, защищавшей интересы дворянства и буржуазии. Вся политика царского правительства — и внешняя и внутренняя — была полностью посвящена защите интересов этих классов. Внутренняя политика заключалась в поддержке крепостничества и в организации беспощадного угнетения эксплуатируемых классов. Внешняя политика была направлена на захват колоний и превращение все новых и новых народностей в рабов русских помещиков и капиталистов.

Русское самодержавие представляло собою крепко сколоченный аппарат угнетения трудящихся масс и удушения революции. Страна была зажата тисками полицейщины и произвола. Полиция была все-сильна. Революционное слово и революционная деятельность беспощадно преследовались. Рабочие находились под неусыпным наблюдением жандармов и агентов охранки. В деревне урядники и земские начальники распоряжались судьбою крестьян. Печать была обуздана намордником цензуры. В школе господствовал дух полицейщины. Православная церковь была верной помощницей царизма. Как тяжелым сапогом, страна была придавлена самодержавием, православием и национальным угнетением. „Жалкая нация, нация рабов!“ — говорил великий революционер Чернышевский о самодержавной России.

Наиболее сильны и многочисленны были пережитки крепостничества в деревне. Реформа 1861 г. (см. часть I) не уничтожила зависимости крестьянина от помещика и оставила помещичье землевладение мало затронутым. „700 собственников-помещиков владеют, в среднем, по

30 000 десятин каждый. У этих 700 человек — в три раза больше земли, чем у 600 000 мелких землевладельцев“, — писал Ленин, подводя итоги данным о распределении земли в Европейской России.

Помещичье хозяйство велось при помощи кабальной эксплуатации крестьян. Крестьянство, ограбленное во время „великой“ реформы, задыхалось в страшной земельной тесноте. С каждым годом ухудшалось положение крестьян, уменьшалось количество скота, все скуднее становился урожай с истощенной, неудобренной земли, все чаще происходили неурожаи и голодовки. Крестьянское хозяйство очутилось в тупике, из которого был только один выход: уничтожение дворянского землевладения и передача помещичьих земель крестьянам.

Это противоречие между интересами крестьян и помещиков было самым острым, кричащим и болезненным противоречием в дореволюционной деревне. Но наряду с ним существовало и другое противоречие внутри самого крестьянства. Крестьянство не было единым, оно разделялось на кулаков, середняков и бедноту. Кулацкая, капиталистическая верхушка эксплуатировала остальную деревню. Но накануне революции 1905 г. на первом плане стояла борьба против помещика, и классовая борьба внутри самого крестьянства занимала сравнительно небольшое место.

Канун революции 1905 г. ознаменовался крестьянскими „бунтами“, направленными против помещиков. Особенного размаха достигли волнения крестьян на юге России, в Полтавской и Харьковской губерниях, происходившие весной 1902 г.

Вот как описывают корреспонденты социал-демократической газеты „Искра“ эти крестьянские волнения:

„В Полтавской губернии — бунт, убит управляющий, бунтуют несколько деревень. В Карповке (громадное имение герцога Мекленбургского, в котором работает до 6 000 рабочих) собраны войска — 1 500 человек. В Харьковской губернии тоже бунтуют. Это даже и „бунтом“ назвать нельзя, потому что это не вспышка простая. Места, охваченные восстанием, оцеплены, и пройти оттуда нельзя, потому и неизвестно ничего“.

„Чтобы судить о размерах движения, — пишет другой корреспондент, — скажу только, что из Харькова в бунтующие деревни вывели все войска, оставив только небольшие отряды для караульной службы. Губернатор Оболенский из Харькова и Полтавский все время на месте в бунтующих деревнях. По словам одного лица, движение охватило 18 волостей... Явление это совершенно исключительное, тем более, что, несмотря на все принимаемые меры, оно не прекращается, а правильной волной движется с севера на юг. Эту местность поразил недород. Уже с осени крестьяне начали чувствовать острую нужду, составляли при-

говоры еще в октябре и подавали начальству... Все единогласно признают теперь, что единственная причина крестьянского движения, это — то обстоятельство, что, несмотря на все их просьбы и ходатайства, до сих пор все приговоры не получили дальнейшего движения. Изголодавшись, крестьяне, наконец, восстали, начали собираться огромными толпами в несколько тысяч. Подойдет толпа к барской усадьбе, вызовет хозяина и требует, чтобы он со своим семейством сейчас же уезжал. Земля остается крестьянам, хлеб и скот тут же делятся, все остальное имущество разламывается, а усадьба сжигается. И так повторяется всюду“.

Царское правительство при первом известии о волнении, „бунте“ посылало в бунтующие деревни войска. Усмирение начиналось обычно с расстрелов. Стреляли в безоружную толпу, убивали женщин и детей. Затем приступали к порке. „Бьют суковатыми прутьями, — пишет корреспондент „Искры“. — После первых же ударов целостность кожи нарушается. Бьют до потери сознания, отливают и снова бьют. Бьют до смерти. Ударов не считают: кто сколько выдержит. Несколько человек, оскорбленных поркой, повесилось“.

Расправа с восставшими была беспощадна (см. картину худ. Иванова „Бунт в деревне“).

В конце концов царское правительство подавило это крестьянское движение. Крестьянство было раздроблено, распылено и не могло поэтому подняться на единое, всенародное восстание. „Бунты“ вспыхивали в разных углах России, но происходили они в разное время, неорганизованно, поэтому правительство с ними и справлялось. Сами по себе крестьянские волнения не могли сокрушить царизм. Но они сделались смертельно опасными для него с того момента, когда во главе крестьянства стал пролетариат, возглавивший освободительную борьбу всех эксплуатируемых классов.

Мы уже видели выше, как складывался пролетариат в пореформенной России. Быстрый рост фабрично-заводских рабочих начался с 90-х годов XIX века. 90-е годы представляют собою эпоху небывалого в истории дореволюционной русской промышленности подъема. За одно десятилетие производство железа и стали выросло в России больше чем вдвое, добыча каменного угля выросла на 131%, добыча нефти — на 132%.

Одновременно с развитием промышленности рос и русский рабочий класс. К началу XX века в России было около 3 000 000 фабрично-заводских рабочих. Особенностью русской промышленности были крупные размеры предприятий; это обстоятельство способствовало объединению рабочих и быстрому росту их классового самосознания. Российский пролетариат сложился и вырос в крупных капиталистических пред-

приятиях; перед ним со всей обнаженностью стали ясны классовые противоречия капитализма; эти противоречия могли быть разрешены только открытыми боями — по одну сторону баррикад стояли царь помещик и капиталист, по другую — рабочий класс, руководящий крестьянством.

За 10 лет, с 1890 по 1900 г., в стачках приняло участие около 700 000 человек. Стачки эти носили почти исключительно экономический характер. Рабочие боролись за улучшение своего положения, за повышение заработной платы, уменьшение рабочего дня, улучшение условий труда. Сначала рабочие почти не выставляли политических требований и не пытались изменить в корне существующий строй. Причина тяжелого положения рабочего класса им была неясна. Они считали, что во всем виноваты одни только фабриканты и не видели, не понимали, что за спиной у капиталиста сидит царь, и для того, чтобы бороться против капитала, нужно прежде всего свергнуть ярмо самодержавия. Напротив, рабочие нередко думали, что царь на стороне трудового народа, что царя обманывают чиновники и только поэтому он не защищает рабочих от угнетения. Вот почему рабочие неоднократно делали попытки передать царю или его родственникам заявление с описанием своего тяжелого положения. Само собой понятно, что эти попытки кончались полной неудачей: жалобщиков арестовывали, а царь, если и читал их заявления, то думал лишь о том, как бы „оградить фабрикантов от непомерных требований рабочих“ (слова царя Александра III).

Рабочее движение могло победить только в том случае, если бы оно написало на своем знамени политические требования, если бы пролетариат стал во главе всех эксплуатируемых и в союзе с крестьянством вступил в борьбу с самодержавием и крепостничеством.

А для того, чтобы стать на путь политической борьбы, пролетариат должен был вооружиться теорией Маркса и создать революционную, классовую партию. Только с боевой партией, ясно видящей причины и цели классовой борьбы, умеющей руководить массами и поднимать эти массы в бой, пролетариат мог победить. И одновременно с ростом рабочего движения начала формироваться пролетарская партия — социал-демократия. Революционная часть ее образовала партию большевиков.

Первые социал-демократические, марксистские группы возникли в России еще в 80-х годах. В 1883 г. за границей, в Швейцарии, группа революционеров, эмигрировавших от преследований царского правительства, образовала марксистскую организацию — группу „Освобождение труда“. Группа „Освобождение труда“ занялась пропагандой марксизма, и в России возник ряд марксистских кружков, состоявших преимущественно из студенческой молодежи, но имевших связи среди рабочих.

В 80-х годах социал-демократическое движение в России имело некоторый успех, однако настоящая, массовая партия, связанная с рабочим движением, сложилась позже, во время подъема 90-х годов. Каждая стачка, каждая забастовка выдвигала из среды рабочих передовиков, которые не могли и не хотели вернуться к прежнему сонному прозябанию и мечтали о продолжении борьбы. Они искали людей, которые объяснили бы им причины общественного неравенства и эксплуатации и указали бы им путь борьбы за свое освобождение. Этими людьми и были революционные социал-демократы. Появились рабочие кружки, в которых рабочие изучали „Коммунистический манифест“ Маркса и Энгельса и революционные брошюры, издававшиеся подпольно в России или за границей (см. карт. худ. Верхотурова „Пропаганда“).

Вот как описывает Иван Васильевич Бабушкин, один из лучших представителей русского рабочего класса, свое превращение в революционера. В 1893 г. Бабушкин работал на заводе в Петербурге. Однажды товарищ по заводу пригласил его зайти к себе и, по приходе Бабушкина, дал ему прочесть какой-то листок. „Я развернул и приступил к чтению, — вспоминает Бабушкин. — С первых же слов я понял, что это что-то особенное, чего мне никогда в течение своей жизни не приходилось видеть и слышать. Первые слова, которые я прочел, вызвали во мне особое чувство. Мысль непроизвольно запрыгала, и я с трудом начал читать дальше. В листке говорилось про попов, про царя и правительство, говорилось в ругательной форме, и я тут же каждым словом проникался насквозь, верил и убеждался, что это так и есть, и нужно поступать так, как советует этот листок. У меня уже вырисовывалось в голове, что меня казнят за совершенное преступление, и вся жизнь пойдет прахом. Тут же, как молотом, ударило по моей голове, что никакого царствия небесного нет и никогда не существовало, а все это простая выдумка для одурачивания народа“.

С этого времени старшие товарищи начали привлекать Бабушкина к беседам, давать ему читать нелегальную литературу. „Ближе знакомясь с нелегальной литературой, — пишет он, — знакомясь с людьми революционных убеждений, разговаривая с товарищами на те же темы, создавая всевозможные планы изменения всего строя жизни, при строгом разборе не выдерживающие критики, мы жили в постоянном волнении.

...К тому же времени в нас зарождается сознательная ненависть и к сверхурочным работам. Идя перед вечером в мастерскую нижним этажом, мы с озлоблением смотрели на висевший у стены фонарь, в котором горела свеча, а на стеклах была надпись: „Сегодня полночь работать от 7 часов вечера до 10½ часов вечера“ или: „Сегодня ночь работать от 7½ часов вечера до 2½ часов ночи“. Эти надписи

чередовались изо дня в день, т. е. сегодня полночь, завтра ночь. Таким образом, приходилось вырабатывать от 30 до 45 рабочих дней в месяц“.

Несколько месяцев спустя Бабушкина привлекли в кружок, пропагандистом которого был Ленин. „Как только настала питерская осень, — пишет Бабушкин, — со всех сторон понаехала интеллигенция, и закипела бурная умственная жизнь. Мы с Костей просто не приходили в себя от нахлынувшей со всех сторон бурной жизни. Шелгунов, рабочий, связанный с интеллигенцией, организовал кружок из 6 человек и 7-го лектора, и начались занятия по политической экономии, по Марксу. Лектор излагал нам эту науку словесно, без всякой тетради, часто стараясь вызвать у нас или возражение или желание завязать спор, и тогда подзадоривал, заставляя одного доказывать другому справедливость своей точки зрения на данный вопрос. Таким образом, наши лекции носили характер очень живой, интересный. Мы все постоянно восхищались умом нашего лектора, продолжая острить между собою, что от слишком большого ума у него волосы вон лезут“.

В 1893 г., накануне высокого подъема стачечной войны, в Петербург приехал В. И. Ленин, еще молодой, 23-летний человек, имевший, однако, позади уже несколько лет марксистской, революционной работы. В 1894 г. Ленин написал большую работу о задачах русского рабочего класса и социал-демократии. Уже в этой ранней своей работе Ленин четко показал роль пролетариата как вождя русской революции.

Вскоре по приезде в Петербург Ленин выдвинул две первоочередные задачи: переход к массовой работе, т. е. переход от кружковой пропаганды к массовой агитации, и создание крепкой, сплоченной, единой социал-демократической партии. Под его идейным руководством был создан „Союз борьбы за освобождение рабочего класса“, такие же союзы возникли и в ряде городов, из них впоследствии выросла русская социал-демократия.

Однако вскоре Ленин и ряд видных участников движения были арестованы, и организация была разгромлена. С большим трудом удалось созвать в 1898 г. I съезд партии, но и его делегаты были вскоре после съезда арестованы.

Период между I и III съездами партии (1898 г. — апрель 1905 г.) наполнен напряженной борьбой внутри социал-демократии. На II съезде партии (в 1903 г.) произошел раскол. Левое революционное крыло во главе с Лениным с непримиримой последовательностью отстаивало подлинно классовую линию во всех вопросах рабочего движения. Правая часть тянула рабочий класс в сторону от революционного пути, стремясь подчинить рабочее движение руководству буржуазии. Ленин

решительно разоблачал этих „картонных революционеров“, боролся с оппортунизмом и примиренчеством.

900-е годы ознаменовались острым промышленным кризисом. Начались массовые увольнения рабочих. Страшный призрак безработицы навис над рабочими. Капиталисты со дня на день понижали заработную плату, положение рабочего класса резко ухудшалось. Это и дало непосредственный толчок новому подъему рабочего движения.

Рабочее движение 900-х годов, по сравнению с 90-ми годами, сделало большой шаг вперед. Значительно чаще начали выставляться политические требования. Участились политические демонстрации. Каждый год рабочие, несмотря на бешеные преследования полиции, организовывали празднование 1 Мая.

Теперь уже пролетариат вступал не только в борьбу за „пятачок“, теперь он поднимался на бой против самодержавия. И царское правительство, чтобы отвести от себя смертельные удары рабочего движения, пошло на чудовищную провокацию, получившую название „зубатовщины“.

Начальник московской охранки Зубатов придумал следующий план, одобренный царем и его министрами: нужно вырвать рабочих из-под влияния социал-демократии и подчинить их влиянию монархистов и полиции. Чтобы добиться этого, нужно повести среди рабочих следующую агитацию: царь, мол, хочет рабочим добра, заботится о них и думает только о том, чтобы улучшить их положение, но капиталисты из жадности не соглашаются на то, что им предлагает царь, а революционеры, подкупленные капиталистами, говорят рабочим, что нужно бороться против царя. „Это неверно. Рабочие должны быть преданы царю и ни в каком случае не должны слушать революционеров“, — уверяли рабочих зубатовцы.

Зубатов решил организовать рабочие союзы, чтобы вести в этих союзах монархическую агитацию. Экономическую борьбу он тоже думал подчинить себе и надеялся, захватив рабочее движение в свои руки, управлять им из полицейского участка.

Зубатовские рабочие союзы были организованы в Москве, Одессе, Минске и в др. городах. Однако начальнику московского охранного отделения, конечно, не удалось стать „вождем рабочего движения“: даже рабочие, вступавшие в союз, не хотели идти по тому пути, который указывал им Зубатов, а некоторые союзы сделались даже центрами стачечного движения. Дело обернулось совсем не так, как рассчитывали жандармы. Союзы были распущены, многие рабочие арестованы, а Зубатов уволен в отставку.

Иначе сложилось дело в Петербурге, где орудовал служивший в охранке священник Гапон, преследовавший те же цели, что и Зубатов.

Гапону удалось приобрести огромное влияние среди рабочих. Тысячные толпы приходили на собрания, где он выступал. Рабочие массами записывались в его союзы. С помощью гапоновских союзов правительство хотело подавить новый подъем рабочего движения.

Русско-японская война способствовала еще большему ухудшению положения рабочего класса. Конец 1904 г. ознаменовался рядом забастовок. Забастовщиков разгоняли при помощи воинской силы (см. картину худ. Владимирова „Избиение рабочих-забастовщиков у железнодорожного завода в 1905 г. 2 января“).

3 января 1905 г. на Путиловском заводе администрацией были уволены 4 рабочих. В ответ на это весь завод с 12000 рабочих забастовал. К нему начали присоединяться другие заводы, и через несколько дней весь рабочий Питер был охвачен стачкой.

Гапон, несмотря на все свое влияние, не мог остановить событий; поэтому он решил уговорить рабочих написать обращение к царю и подать его в воскресенье, 9 января. Полиция знала об этом и не мешала собиранию подписей, так как решила встретить рабочих расстрелом, чтобы навсегда отучить рабочих от „бунтов“.

Петиция, которую рабочие хотели подать царю, начиналась так: „Мы, рабочие, жители Петербурга, пришли к тебе. Мы — несчастные, поруганные рабы, мы задавлены деспотизмом и произволом. Когда переполнилась чаша терпения, мы прекратили работу и просили наших хозяев дать нам лишь только то, без чего жизнь является мучением. Но все это было отвергнуто, все показалось фабрикантам незаконным. Мы здесь, многие тысячи, как и весь русский народ, не имеем никаких человеческих прав. Благодаря твоим чиновникам мы стали рабами“.

Дальше в петиции рабочие просили, чтобы царь дал амнистию политическим ссыльным и заключенным, нормальную заработную плату, политическую свободу, постепенную передачу земли народу и чтобы было созвано Учредительное собрание на основе всеобщего и равного избирательного права.

„Государь! Не откажи в помощи твоему народу! Разрушь стену между тобой и твоим народом! Повели и поклянись, чтобы исполнились наши просьбы, и ты сделаешь Россию счастливой; если нет, — тогда мы готовы умереть тут же. У нас только два пути: свобода и счастье или могила“.

Утром 9 января сотни тысяч рабочих, повторяя слова „к царю“, с царскими портретами, с иконами и хоругвями направились к Зимнему дворцу. Рабочие были настроены мирно и хотели во что бы то ни стало попасть на Дворцовую площадь, чтобы увидеть царя и передать ему петицию.

Но как только рабочие демонстрации подошли к тем пунктам, где, по заранее подготовленному плану, их ждали войска, начался расстрел безоружной толпы. Войска везде подпускали толпу на близкое расстояние, а потом расстреливали в упор. Больше трех часов продолжалась бойня, устроенная „батюшкой царем“.

„На Дворцовой площади был положительно военный лагерь,— пишет корреспондент „Искры“. — Все время публика беспрепятственно собиралась на Невском, только близко к дворцу не давали подходить. Вдруг в 2 часа, без всякого предупреждения, раздаются выстрелы у Дворцовой площади, и валится на землю целая масса убитых. То же самое произошло в нескольких местах на Невском. Офицеры и солдаты неистовствовали. В одном месте перебита кучка в несколько человек, прижавшихся к стене. Один уцелел. Он выходит, расстегивает пальто, подставляет грудь и говорит демонстративно: „Вот, стреляйте!“ В это время раздается выстрел, и он падает мертвым, пораженный в грудь. Пристреливали падавших. Но, несмотря на все ужасы, паники среди публики, а особенно среди рабочих, не было. В одном месте расстреливали, а в десяти шагах от него собирался народ и говорились речи. Когда проезжают солдаты, то раздаются крики отовсюду: „Убийцы, палачи, опричники, вороны!“ Революционирующее значение этих событий огромно. О первом дне и говорить нечего. Тогда на каждом перекрестке только и говорилось: „Нет у нас царя, что это за царь!“

9 января 1905 г. была убита вера в царя, при помощи которой охранное отделение собиралось держать рабочее движение в своих руках. Еще только утром рабочие молились на царские портреты, а к вечеру эти же самые рабочие, участники утреннего шествия к царю, начали сооружать баррикады. С криками „за оружие“ рабочие овладевали оружейными лавками и с воодушевлением принимались за постройку баррикад. Одновременно с этим группа рабочих направилась в типографию и отпечата там воззвание, в котором призывала пролетариев к оружию. Только после упорной борьбы царские войска овладели баррикадами, перестреляв их защитников.

Историческое значение „кровавого воскресения“ огромно. Оно показало русскому пролетариату, что единственный путь к его освобождению лежит через уничтожение самодержавия. Теперь рабочие поняли, что социал-демократы, которых они еще накануне не хотели часто слушать, являются подлинными выразителями интересов рабочего класса.

„Русское рабочее движение за несколько дней поднялось на высшую ступень. На наших глазах оно вырастает в общенародное восстание“, — писал Ленин после 9 января.

С этого момента рабочее движение приобретает с каждым днем все

большой размах. Из крупных центров оно перекидывается в провинцию, и вся Россия охватывается революционным движением. В ряде городов происходят демонстрации и столкновения с полицией (см. картину худ. Иванова „Расстрел демонстрации в 1905 г.“).

Мощный подъем рабочего движения поставил перед всеми партиями в России вопрос: за что будут бороться эти партии в революции, какую программу будут они выставять? Какими средствами будут отстаивать они свою программу, какова будет их тактика? С какими классами будут они вступать в союз?

В это время в России боролись за влияние на массы три партии: большевики, меньшевики и эсеры. По мнению эсеров, главным в революции была не массовая борьба, а террор — убийства царя и отдельных представителей царского режима: министров, жандармов и т. п.

Большевики были противниками единоличного террора. В основе революционного марксизма лежит учение о классовой борьбе; большевики считали, что дело не в отдельных царских чиновниках или жандармах, а в том классе, представителями которого являются эти чиновники. Нужно бороться не против отдельных царских слуг, а против всего самодержавного режима. И борьбу эту должны вести не отдельные герои, а рабочий класс в целом.

Эсеры создали „боевую организацию“ и ее силами совершили несколько террористических актов (см. картину худ. Сварога „Каляев бросает бомбу в карету вел. кн. Сергея Романова“, она изображает один из таких террористических актов).

Однако значения для развития революционного движения эсеровский террор не имел: участники террора погибали на виселицах и на каторге, а места убитых царских чиновников занимали другие, ничем не отличавшиеся от своих предшественников.

Дальнейшая история партии эсеров показала, что, несмотря на внешнюю революционность ее лозунгов, эта партия ничего общего с пролетарской революцией не имела.

Социал-демократическая партия раскололась на две части: большевиков и меньшевиков. Меньшевики считали, что цель русской революции заключается в том, чтобы свергнуть самодержавие и передать власть буржуазии. Задача пролетариата, по мнению меньшевиков, заключалась в том, чтобы помогать буржуазии в борьбе с самодержавием. В конечном итоге теория меньшевиков приводила к тому, что пролетариат должен был бороться не за свои интересы, а служить интересам буржуазии. В крестьянстве меньшевики видели не союзника, но врага, и единственным классом, с которым пролетариат мог вступить в союз, они считали буржуазию.

Единственная партия, которая по всем вопросам революции занимала подлинно революционную позицию, была партия большевиков. Большевики считали, что вождем революции является пролетариат. Пролетариат, а не буржуазия, как этого хотели меньшевики, должен был возглавлять революцию. Задача пролетариата в 1905 г., на первом этапе, заключалась в том, чтобы произвести решительную демократическую революцию, т. е. уничтожить самодержавие и все остатки крепостничества; эта демократическая революция должна была открыть путь для социалистической революции. Большевики считали, что пролетариат должен действовать в союзе с крестьянством, во главе всего крестьянства.

В отличие от меньшевиков, уговаривавших рабочих идти „медленным шагом, робким зигзагом“, большевики призывали пролетариев к упорной, неустрашимой борьбе. И единственным средством победы большевики считали вооруженное восстание.

Накануне революции и на всем протяжении революции 1905—1907 гг. большевики неустанно боролись за то, чтобы вывести пролетариат на верный путь классовой борьбы. Задача, поставленная себе большевиками, была нелегка. Путь, на который большевики звали рабочих, был самым трудным, требовавшим величайшего самопожертвования. Все силы дворянской, полицейской России были направлены на подавление рабочей революции. Буржуазия, которая сначала надеялась возглавить революцию и заигрывала с рабочими, теперь переметнулась в лагерь контрреволюции и готова была перегрызть горло рабочему движению. А меньшевики и эсеры сталкивали пролетариат с пути классовой борьбы, мешали росту его классового самосознания и хотели сделать из рабочих орудие буржуазии.

Несмотря на эти трудности, большевикам удалось добиться огромного влияния на рабочий класс, и во все решающие моменты революции они возглавляли рабочее движение. Под руководством большевистской партии пролетариат одержал ряд побед.

Первые месяцы революции 1905 г. проходят под знаком сплочения сил пролетариата. Самодержавное правительство пытается заглушить развертывающуюся революцию маленькими уступочками. Оно обещает улучшить положение рабочих и созвать „Думу“, в которой безусловное большинство должно было принадлежать дворянству.

Буржуазия готова была с лакейской угодливостью подхватить эти царские подачки и с негодованием и ненавистью выступала против представителей рабочего класса, который продолжал неумолимую борьбу за свержение самодержавия. Меньшевики тоже были за то, чтобы как-нибудь мирным путем разрешить все вопросы и использовать все

уступки, которые делал царь. Только большевики были за непримиримую борьбу.

Рабочий класс пошел за большевиками. Отвергнув соглашение с царизмом, он продолжал борьбу. С каждым днем в движение втягивались новые отряды пролетариата. К середине 1905 г. почти все рабочие в той или иной форме приняли участие в классовых боях.

Весна и часть лета 1905 г. представляют собою сплошную полосу стачечного движения. В ряде мест, в частности в Польше, происходят вооруженные столкновения с полицией и войсками.

Одновременно с этим поднимается волна крестьянского движения. Первые вспышки его относятся к январю, наибольшей силы оно достигает к лету 1905 г.

Летом 1905 г. революционное движение захватывает часть армии. 14 июня восстала команда броненосца „Потемкин-Таврический“. Восставший броненосец направился к Одессе, где в эти дни происходила забастовка, и команда корабля, вместе с одесскими пролетариями, устроила торжественные похороны матроса, погибшего во время восстания. Затем броненосец вышел в море, навстречу ему царское правительство выслало эскадру, дав ей задание подавить восставших. Но эскадра осталась пассивной, а один броненосец перешел на сторону „Потемкина“. Однако впоследствии „Потемкин“ вынужден был пристать к берегам Румынии.

В сентябре 1905 г. начинается новый подъем стачечного движения. Наивысшего своего напряжения стачечное движение достигает в октябре, когда произошла всеобщая политическая забастовка. Она началась в Москве, где 25 сентября забастовало 6 000 типографских рабочих, к ним быстро примкнули московские фабрики и заводы. 7 октября начали бастовать железнодорожники, и через несколько дней остановились все железные дороги. Вслед за этим забастовали почта, телефон, телеграф, перестали выходить газеты, закрылись лавки, стали электрические станции, и погас свет. К середине октября забастовка охватила всю страну. В целом ряде пунктов стачечники сооружали баррикады, и происходили вооруженные столкновения.

Напуганное самодержавие решило пойти на уступки. 17 октября царь объявил манифест, в котором обещал свободу слова, печати, собраний, союзов и созыв Государственной думы с законодательными функциями. Буржуазия и меньшевики считали, что все вопросы уже решены и революция уже победила. Большевикам было ясно, что это лишь временный маневр, что самодержавие отступило, чтобы собраться с силами и вновь напасть на революцию. „Нет, царизм еще далеко не капитули-

ровал, — писал Ленин. — Самодержавие далеко еще не пало. Революционному пролетариату предстоит еще ряд великих битв“.

Большевики были полностью правы. На другой же день после манифеста начались расстрелы и погромы. Самодержавие вновь показало свои когти.

Пролетариат продолжал борьбу. Именно в эти месяцы, в октябре-ноябре 1905 г., возникли Советы рабочих депутатов. Первый Совет возник в Петербурге. Под его руководством петербургский пролетариат провел упорную стачечную борьбу за 8-часовой рабочий день и вторую политическую забастовку (1—7 ноября 1905 г.). 15 ноября под руководством Совета началась всеобщая почтово-телеграфная стачка, прошедшая с большим успехом. В эти дни по знаку Совета замирала вся жизнь столицы, останавливались железные дороги, прекращалась работа фабрик, заводов, почты и телеграфа.

27 ноября Совет принял решение о подготовке вооруженного восстания. Правительство решило арестовать Совет. 3 декабря во время заседания в зал ворвались жандармы, и все участники заседания были арестованы. В ответ на это была объявлена всеобщая политическая стачка. Однако петербургский пролетариат, изнуренный продолжительными забастовками и локаутами, истощил свои силы, и стачка в Питере продолжалась лишь несколько дней. Иначе сложилось дело в Москве, где стачка переросла в восстание.

Вторая всеобщая политическая стачка в Москве началась 7 декабря. К 9 декабря забастовка охватила все фабрики и заводы. Правительство начало стягивать к городу войска. На московский гарнизон правительство рассчитывать не могло, так как в московском гарнизоне было сильное революционное брожение. Поэтому были вызваны войска из других городов. Чувствуя, что дело идет к восстанию, московский генерал-губернатор решил подавить движение в самом начале. 8 декабря на собрание революционных дружин явилась полиция с отрядом солдат и потребовала, чтобы все немедленно разошлись. На размышление командовавший отрядом генерал Рахманинов дал 45 минут. Участники собрания разойтись отказались. Тогда Рахманинов приказал уничтожить дом и всех собравшихся. Вот как описывает этот расстрел один из жандармов, принимавших в нем участие.

„Последний сигнал был сыгран, и звуки его еще не успели замереть, как раздалась отчетливая команда: по окнам второго этажа, рота... страшная минута... пли!... залп, звон битого стекла, и град пуль из окон был ответом. Я понял, что, не быв на войне, я имел случай участвовать в сражении. Пули свистели кругом. Орудия! — скомандовал Рахманинов. Передать словами невозможно то впечатление, которое

произвел на нас орудийный выстрел из того каменного колодца, в котором мы находились. Все внутренности не нервно, а физически, от этого ужасного сотрясения воздуха были встряхнуты. Городовые в ужасе, зажав уши, бросились назад. Град выстрелов из здания, стоны раненых солдат и городских, кровь, крики, страшное озверение солдат, увидевших павших товарищей. Вдруг одно из окон осветилось, и оттуда полетела ракета. Бомба! бомба! — раздались крики. Великолепный орудийный выстрел, как мы узнали потом, заставил смертью заплатить за это бомбиста. Он был убит гранатой, вырвавшей ему весь живот. Вероятно, это обстоятельство произвело потрясающее впечатление, так как через некоторое время слышались крики: сдаемся! Залпов я не считал, а орудийных выстрелов было дано 12“.

Начав с расстрела собрания, правительство перешло к расстрелам на улицах. 10 декабря со Страстной площади начался орудийный и пулеметный обстрел толпы, собравшейся на Тверской. В церквах зазвонили колокола, и под аккомпанимент колокольного звона расстрелы на московских улицах продолжались до вечера. Под руководством большевиков рабочие организуют боевые дружины. При участии всего московского пролетариата начинается сооружение баррикад. Дружинники начинают разоружать полицейских и уговаривают солдат переходить на сторону народа. Вся Москва покрывается баррикадами. Баррикады оказывают сопротивление передвижению правительственных войск. Их сооружают из киосков, вывесок, трамвайных столбов, решеток, заборов, камней и мебели. В приказе Дубасова объявляется, что всякая группа „более чем в три человека“ будет расстреляна. Чтобы „подымать дух в войсках“, солдатам выдают водку. Однако московский гарнизон остается „ненадежным“.

11 декабря „Известия Московского совета“ пишут: „Бой разгорелся во-всю. На улицах Москвы идет в течение многих часов ряд сражений восставшего народа с царскими войсками. Быстро воздвигаются баррикады. Непрерывно трещат ружейные залпы. Идет пальба из пушек по собирающимся толпам рабочих. Покрывающий уличные мостовые снег обильно полит горячей кровью борцов за свободу...

...Тучи пуль, боевая пальба из пушек — ничем нельзя запугать восставший народ. С беззаветной преданностью светлому делу свободы, с величественным бесстрашием рабочая масса идет под пушки, под ружейные залпы. Так вести себя может только передовой класс, борющийся за осознанные им нужды и интересы, класс, твердо верующий в успех своего дела“.

Многие районы были сплошь забаррикадированы. Рабочие разбились на десятки, дружины действовали в полном боевом порядке. Количе-

ство дружин было ничтожное, но благодаря правильной организации эти дружины наносили врагу чувствительные удары (см. картину худ. Журавлева „Баррикады на Пресне“).

13 и 14 декабря были днями наиболее трудными для правительства. Войска отказывались идти в бой, подкрепления не поступали. Дубасов сообщил в Петербург, что стоит вопрос о судьбе самодержавия. Тогда в Москву был прислан Семеновский гвардейский полк. 16 декабря правительство со свежими силами принялось за разгром восстания. Главные силы восставших были в районе Пресни.

В ночь на 17 декабря правительство приступило к планомерной осаде Пресни. 17 декабря утром начался смертельный артиллерийский обстрел, вызвавший многочисленные пожары, и к утру 18 декабря все было кончено. Восстание было подавлено.

Декабрьское восстание было моментом наивысшего подъема революции 1905 г. Оно проходило под руководством большевиков. Еще весной, на III съезде партии, в котором участвовали только большевики, была принята резолюция, в которой признавалось необходимым готовить рабочий класс к вооруженному восстанию. Большевики были против организованной подготовки восстания, и после подавления восстания в Москве вождь меньшевиков Плеханов выступил с заявлением: „Не надо было братья за оружие“.

Нет,— отвечали большевики,— за оружие братья было не только нужно, но и необходимо. Массы должны были увидеть необходимость отчаянной

кровавой борьбы, без которой свергнуть царизм невозможно. Массы должны понять, что восстание может победить лишь в том случае, если оно будет организованным, подготовленным, решительным, что нужно не обороняться, а наступать. Декабрьское восстание подавлено— будем готовить новое восстание и подготовим его так, чтобы оно победило!

Тяжкий удар, нанесенный пролетариату в декабре, решил судьбу революции 1905 г.: разбив пролетариат, самодержавие отсрочило на 12 лет момент своей гибели. Крестьянское движение, широко развернувшееся летом 1906 г., было также подавлено.

Революция потерпела поражение (см. картину Н. Шестопалова „Казнь по приговору военно-полевого суда“).

Меньшевики считали, что нужно отказаться от подпольной партии и воспользоваться теми небольшими возможностями, которые имелись в области экономической и политической работы.

Большевики и после подавления вооруженного восстания считали, что это поражение революции только временное, что в недалеком будущем поднимется новая волна революции, и нужно готовить рабочий класс к победе. Поэтому нужно сохранить подполье, создать крепкую боевую партию, вести пропаганду и агитацию и встретить в полной боевой готовности новый подъем. „Погодите, придет опять 1905 г.! Вот как смотрят рабочие“,— писал Ленин.

История доказала правоту революционного большевизма.

РЕАКЦИЯ, НОВЫЙ ПОДЪЕМ, ФЕВРАЛЬСКАЯ И ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИИ

РЕАКЦИЯ И НОВЫЙ ПОДЪЕМ

Первая революция общими усилиями царского правительства и буржуазии была разбита.

Против революционной борьбы рабочих и крестьян был заключен блок царизма и буржуазии. Вся эпоха реакции (1907—1910 гг.) проходит под знаменем этого блока. Политика правительства целиком проводится силой штыка и преследованием всего передового и революционного — рабочее движение и крестьянские волнения душатся в тисках контрреволюции (см. картину Б. Иогансона „Обыск в профсоюзе“). Крестьянское движение катастрофически падает, идет на убыль и рабочее движение.

В эти годы господства палачей, жандармов и провокаторов все революционные организации вынуждены были уйти в подполье. „Но в то же время, — писал В. И. Ленин, — именно великое поражение дает революционным партиям и революционному классу настоящий политический урок, урок исторической диалектики, урок понимания, умения и искусства вести политическую борьбу“. Отступить наиболее организованно и с наименьшими потерями, с сохранением основного ядра, подготовить и организовать кадры к новому наступлению — таковы были очередные задачи дня.

В 1911 г. рабочее движение заметно оживляется, а в 1912 г. оно вновь достигает значительных размеров.

Непосредственным толчком движения 1912 г. был расстрел безоружных рабочих в далекой Сибири, на Ленских приисках. Эти прииски находились на расстоянии полутора тысяч километров от Иркутска. В этом отрезанном от мира крае, в глухой тайге, безраздельно и бескон-

трольно царил ничем и никем не сдерживаемый произвол капиталиста-золотопромышленника. На приисках в самых тяжелых условиях работало более 6000 рабочих, не считая женщин и детей.

В состав правления и акционеров Ленского золотопромышленного товарищества входили такие влиятельные и власть имущие люди, как директор государственного банка Бояновский, граф Витте, министр Тимашев, бывший министр Тимирязев и т. п., кончая царицей Марией Федоровной, которые получали колоссальные барыши и спекулировали акциями Ленского товарищества не только на своем, но и на мировом рынке. Крупнейшие английские капиталисты владели большей частью акций. Дивиденды товарищества доходили до 56%, чистая прибыль росла из года в год: в 1908/1909 г. она достигла почти 5 миллионов, в 1909/1910 г. — 7 миллионов и т. д. Главноуправляющий получал до 140 000 рублей в год.

И царское правительство целиком поддерживало своих ближайших родственников, друзей и помощников, сквозь пальцы смотрело на самые возмутительные безобразия, открыто творящиеся на приисках, и оставляло во главе администрации таких людей, которые, по словам даже сенаторов, „с требованиями закона, если они... оказывались неудобными... считаться не любили...“

Полиция, жандармерия, почта, правительственные чиновники, судьи получали от управления в зависимости от чинов „вознаграждение“ „за разные услуги“. Немало тратилось денег на содержание войск, особенно военных начальников. Иркутский губернатор Пантыш в своем докладе писал: „Эльзото поит, кормит... казнит и милует тысячи людей. Почти исключительно Эльзото дает деньги и на содержание правитель-

ственных чиновников... Стоит тому или другому правительственному чиновнику перестать поддерживать... Эльзото... его возьмут измором..."

Повсюду царили шпионаж, подкуп, взятки, пьянство и разврат.

Из года в год нарастало раздражение рабочих. Наконец, в 1912 г. разразилась всеобщая забастовка всех 423 приисков. Эта забастовка прошла исключительно организованно, рабочие действовали сплоченно, были выработаны и предъявлены определенные требования, четко работал стачечный комитет, всякие провокационные попытки властей и управления сорвать забастовку встречали дружный отпор, спаивание рабочих было уничтожено полным запрещением пьянства и т. д. и т. д.

Управление, жандармерия и приисковая полиция перешли к решительным мерам: арестам, обыскам, увольнениям и выселениям. Администрация настойчиво требовала войск, усмирения, расстрелов.

Для ликвидации забастовки был послан с неограниченными полномочиями жандармский ротмистр Трещенков, который тотчас по приезде на прииски по телеграфу сообщал в Иркутск о своих ближайших планах: „Настоятельно нахожу необходимым арестовать агитаторов и стачечный комитет..., хотя бы для этого пришлось прибегнуть к оружию“. Начались насилия над стачечниками...

Рабочие решили освободить арестованных: сотни рабочих письменно заявляли, что „насильственных мер и подстрекательства во время забастовки не было“, что они продолжают забастовку „в виду нарушения... договора Ленским товариществом и неудовлетворения их требований“.

Толпа безоружных рабочих в 3000 человек мирно шла с этим заявлением об освобождении арестованных товарищей в контору, к Надеждинским приискам. На расстоянии 150 сажен (315 метров) до Надеждинского прииска, когда уставшие рабочие решили отдохнуть, покурить, Трещенков послал стражника с приказанием свернуть с дороги. Не дожидаясь ответа, Трещенков отдал приказ солдатам стрелять. Одновременно его помощник обходил солдат и грозил пристрелить каждого, кто не будет стрелять в упор в рабочих. Раздались залпы, засвистели пули, сотни рабочих остались на месте, остальные бежали, спасаясь от расстрела (см. картину А. В. Моравова „Ленский расстрел“).

Об этом расстреле 6 апреля рабочие телеграфно сообщили депутату Государственной думы большевику Полетаеву: „3 апреля наши выборные арестованы и препровождены в Бодайбинскую тюрьму... Мы 4-го направились в Надеждинский прииск... с просьбой освободить арестованных... Раздалась команда „пли“ — 270 убитых, 250 раненых, стреляли в лежащих, стреляли „вдогонку“ убежавшим...“

За этот гнусный расстрел Трещенков получил одновременно 2400 рублей, не считая суточных — по 15 рублей ежедневно, щедро были награждены и другие палачи этой возмутительной бойни.

Министр внутренних дел Макаров в ответ на запрос фракции социал-демократов в Государственной думе нагло ответил: „Так было и так будет впредь...“

8 апреля большевистская газета „Звезда“ вышла в траурной рамке. Передовица газеты призывала: „Трудно сдержать крик негодования перед грудой невинно убиенных и искалеченных... рабочих, вся вина которых в том, что они мирными, законными путями добивались сносно человеческого существования...“ „Преступно молчать, — говорилось в прокламациях, — пусть пронесется по всей стране, вихрем пронесется... грозный протест...“

Массовые забастовки протеста прокатились по всей России. 110 000 забастовщиков в Питере, 54 000 — в Москве, 21 000 — в Риге и тысячи в Сормове, Саратове, Киеве, Одессе, Баку, Екатеринославе, Херсоне, Николаеве и др. городах.

В забастовках 1912 г. (по преуменьшенным данным фабрично-заводской инспекции) участвовало 549 813 рабочих, выставивших политические требования, и 175 678 рабочих, выставивших экономические требования.

Анализируя характер стачек, вызванных ленской бойней, Ленин 25 апреля 1912 г. писал:

„...Единению всех эксплуататоров рабочий класс в России готовится противопоставить единение рабочих в борьбе с современным строем. Низвержение романовской монархии в России должно быть лишь первым этапом в борьбе рабочих со всей буржуазией за уничтожение капитализма, за социализм“.

Все шире развертывалось рабочее движение, втягивая в борьбу с царизмом и капитализмом все большие массы рабочих. 1913 г. (по тем же данным фабрично-заводской инспекции) дал уже 887 096 стачечников, при этом везде преобладали политические стачки.

Но в 1914 г. началась империалистическая война.

Правительственные репрессии в годы войны, новый разгром рабочих и революционных организаций, массовые мобилизации рабочих и крестьянских масс, локауты, черные списки, сильное, организованное наступление предпринимателей, оборонческие, шовинистические настроения, развивающиеся под влиянием не только буржуазии, а и так называемых „социалистических партий“, срывают рост рабочего и революционного движения.

Но эти успехи правительства, буржуазии и ее идеологов были крат-

ковременны. Уже летом и осенью 1915 г. нарастает новый вал экономических и политических стачек. Революционное брожение проникает в армию.

Подгнивший царский трон не выдерживает этого напора.

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Самодержавие рухнуло в несколько дней под напором революционных рабочих и солдат.

Это крушение царского режима было „чудом“ для империалиста — лидера буржуазно-помещичьей партии кадета Милюкова. Да и не только для одних кадетов... Меншевики также проглядели, недоучли повседневного роста революционных настроений пролетариата и крестьянства: они, по словам одного из видных, притом „левых“ меньшевиков, „мечтали, раздумывали, предчувствовали, ощущали...“ Эсеры должны были тоже откровенно признаться: „Революция ударила, как гром с неба, и застала врасплох...“, „застала нас... как евангельских неразумных дев, спящими“.

Эти так называемые „социалисты“ в действительности были против революции: все годы войны они целиком шли на поводу у буржуазии, являлись прямыми агентами ее. Они вместе с буржуазией несли в рабочий класс и крестьянство лозунги: „защитайте отечество“, „долой немцев“, „все для обороны“ и поддерживали продолжение империалистической бойни.

Только партия большевиков с первых дней войны призывала всех рабочих, солдат и крестьян объявить „войну войне“, освободиться от политического гнета самодержавия, „во всеоружии обрушиться на правительство насильников и положить конец их господству“. „Дать крестьянам всю землю и рабочему — свободу“, — таковы были ясные, четкие большевистские требования. Все более развивающуюся в годы войны экономическую борьбу большевики призывали превратить „в борьбу широко политическую, в борьбу за власть, в гражданскую войну“.

Накануне самой революции Петербургский комитет партии большевиков четко разъяснял: „...Капиталисты и помещики озабочены только одним — спасением монархического, царского корабля, так как эта система им выгодна. Ропот этих господ и тех, кои мечтают о замене Николая II другим лицом, есть стремление спасти царские порядки, пожертвовать лицами, но сохранить систему...“ „Господская... Государственная дума не может быть надеждой рабочего класса...“ „Другого выхода, кроме народной борьбы, нет“. „Настало время открытой борьбы“.

„Долой царскую монархию!“ „Да здравствует Временное революционное правительство!“ „Да здравствует социализм!“

Наступила неделя кровавых битв, когда рабочие и солдаты с боем завоевывали себе мир, хлеб и свободу.

Обанкротившаяся монархия истерически требовала: „Нам нужен кнут“. „Пулеметов сюда, пулеметов“. Но это были уже крики предсмертной агонии царской власти.

Правительство пошло на последние отчаянные попытки, чтобы подавить революцию. На гарнизон оно уже рассчитывать не могло. Штаб задерживал отправку пулеметов, винтовок, патронов на фронт. „Внутренний враг“ оказался страшнее внешнего. В спешном порядке вооружали и обучали полицию. Весь Петроградский округ был разбит на районы; командующий округом Хабалов получил неограниченные полномочия, начальникам воинских частей были даны твердые директивы и инструкции о подавлении революционных выступлений. Тревожные телеграммы в Ставку требовали присылки войск в революционный Питер.

Николай II, в это время находившийся в Ставке, писал нежные письма своей „женушке“, в которых сообщал: „Мой мозг отдыхает здесь — ни министров, ни хлопотливых вопросов, требующих обдумывания. Я считаю, что это мне полезно...“ В день первого массового выступления рабочих в Петрограде, 23 февраля, Николай пишет о своих больших „огорчениях“: „Мне очень нехватает получасового пасьянса каждый вечер. В свободное время я здесь опять примусь за домино“. На сообщения о начавшихся волнениях в столице царь предлагал Хабалову немедленно „завтра же прекратить... беспорядки... Но выполнить эти приказы было уже невозможно.

Один за другим поднимались заводы и фабрики на борьбу с царем и капиталом. Требования забастовщиков вызывали резкий отпор предпринимателей: грозили расчетом, вывешивали объявления, что „заводы закрываются на неопределенное время...“ Капиталисты выбрасывали голодных рабочих на улицу, а царское правительство категорически требовало или стать на работу или отправляться на фронт, в окопы.

23 февраля (8 марта по новому стилю) в Петрограде бастовало уже большинство фабрик и заводов. Десятки тысяч рабочих вышли на улицу с красными флагами, с революционными плакатами. Демонстрации разгонялись полицией, но разогнанные демонстранты тотчас снова собирались. 24 февраля число забастовщиков достигло в столице уже двухсот тысяч, 25-го бастовали все.

Массовые аресты, усиленная охрана на улицах, патрули, залпы из невидимых засад, пулеметная стрельба с чердаков и крыш домов не в силах были уже сдержать движение.

Солдаты отказывались выполнять „боевые приказы“ об усмирении восставших. Попытки переодеть отдельные воинские части в шинели полицейских вызвали взрывы возмущения. Запрещения выходить из казарм, разоружение целых полков, аресты подлили масла в огонь.

Уже 26 февраля в ряде полков идет брожение. В Ставку военные власти посылают из столицы одну за другой телеграммы, в которых настойчиво требовали: „Необходимо спешное прибытие действительно надежных частей, притом в достаточном количестве, для одновременных действий в различных частях города...“

27 февраля (12 марта нов. стиля) восставшие полки организованно, стройными рядами выходили на улицы и с криками „ура“ присоединялись к революционным рабочим.

Вооруженные рабочие и солдаты взяли арсенал, овладели Петропавловской крепостью, освободили из тюрем заключенных и т. д. С колоколен, чердаков снимали засады полиции с пулеметами. Арестовывались царские министры, охранники, городовые и прочие подозрительные лица. Военные патрули с красными флагами и рабочая милиция охраняли революционный порядок в столице — центре восстания. 28 февраля, по официальным донесениям, „весь город“ был „в руках мятежников и войск, перешедших на их сторону...“

При первых известиях о революции в Петрограде революционное движение поднялось по всей России. В ночь на 28 февраля восставшие солдаты Ораниенбаума решили идти на помощь к петроградским товарищам. По пути из ряда местечек и крепостей, где расположены были воинские части, ораниенбаумцы с каждой верстой приближения к столице пополняли свои силы оружием, людьми, провиантом. Более чем на двадцать верст растянулись колонны войск, направлявшиеся к столице. Утром 28 февраля войска через Нарвскую заставу вступили в Петроград. Десятки тысяч рабочих Путиловского завода с энтузиазмом встречали новые силы. Объединенная грандиозная демонстрация со знаменами, плакатами и оркестрами двинулась к центру (см. картину И. А. Владимирова „Революция победила“).

У защитников царского режима исчезли последние надежды на возможность подавить революцию. 28 февраля царские генералы по прямому проводу уже открыто признавались: „Правительственных войск больше нет, и гарнизоны пригородных мест почти все примкнули к мятежникам...“ И дальше уже совсем с отчаянием заявляли: „Едва ли... какие-либо войска удержатся на стороне теперешнего правительства“.

Начались аресты царских министров и наиболее ненавистных старорежимных генералов и офицеров (см. картину И. А. Владимирова „Арест генералов в феврале 1917 г.“).

ЦК партии большевиков в своем воззвании от 28 февраля объявлял всем гражданам России:

„Столица в руках восставшего народа... Задача рабочего класса и революционной армии создать Временное революционное правительство, которое должно стать во главе нового нарождающегося республиканского строя“.

Далее в воззвании перечислялся ряд конкретных мероприятий, которые должны были быть немедленно проведены в жизнь: конфискация помещичьих, монастырских, кабинетских и удельных земель и передача их крестьянам, введение восьмичасового рабочего дня, немедленное прекращение кровавой бойни и т. д.

Но все эти мероприятия не были осуществлены в февральские дни. Большевистские партийные организации в эпоху реакции и годы войны были разгромлены, многие партийцы сидели в это время по тюрьмам и ссылкам, многие должны были скрываться от преследований полиции за границей.

Вот почему первый Совет рабочих и солдатских депутатов, организовавшийся в Петрограде 27 февраля, состоял в большинстве из меньшевиков и эсеров. Оказавшийся у власти блок соглашателей в первые же дни своего господства целиком выявил свое классовое лицо. Прихвостни буржуазии на другой день после революции призывали „самоотверженно подчиняться Временному правительству, организованному Государственной думой...“

До самых последних дней буржуазия безнадежно стремилась спасти монархию. Председатель Государственной думы Родзянко, для которого „судьба династии“ и „судьба родины“ были равнозначущи, убеждал Николая спасти родину, передав престол сыну Алексею, фактически — регенту Михаилу. Даже о будущих министрах верноподданная Дума решила договориться с царем. Но „последний час династии“ наступил раньше, чем это предполагали представители буржуазии и помещиков. Одни попытки этих представителей упомянуть на митингах о замене Николая Михаилом вызывали такой дружный отпор рабочих, солдат и матросов, что защитникам монархии приходилось больше думать о своем собственном спасении, чем о спасении Романовых.

События развертывались с такой быстротой, что Временный комитет Государственной думы, чтобы не потерять окончательно власти, организовал 2 марта Временное правительство, куда, по меткому выражению Шульгина, „страх перед улицей, загнал и так называемых „социалистов“. Но, чтобы узаконить свои права на существование, Временное правительство, состоявшее из представителей буржуазии

и помещиков, должно было получить признание Совета. Это признание было санкционировано „соглашением“ между Исполнительным комитетом Петроградского совета и Временным комитетом Государственной думы в ночь на 2 марта.

В тот же день было написано Николаем его уже никому ненужное отречение от несуществовавшего уже престола. Восставшие рабочие и солдаты заставили арестовать бывшего царя, несмотря на твердое желание нового правительства вывезти его в Англию. Краснобай Керенский в гордой, театральной позе заявлял в Совете: „Временное правительство взяло на себя ответственность (очевидно, перед мировой буржуазией) за личную безопасность царя и его семьи... Царь с семьей будет отправлен за границу. Я сам довезу его до Мурманска“. Но... арестованного царя вскоре свезли в Тобольск.

Буржуазное Временное правительство теперь развернуло свою работу совместно с Петроградским советом, под номинальным „контролем“ его, вернее, покровительством и защитой. Совет, начав сдавать власть буржуазии, призывал демократию „оказать...свою поддержку“ этому правительству. Рабочим предлагалось стать на работу, солдатам — „проявить терпимость и забвение“ по отношению к офицерам.

Через две недели, 14 марта, Совет обратился „к народам всего мира“ с воззванием. Наряду с целым рядом звонких фраз о том, что нет больше главного устоя мировой реакции и жандарма Европы, что необходима „международная солидарность пролетариата и его борьба за окончательную победу, что объединенными усилиями мы прекратим страшную бойню“, Совет заявил: „Русская революция не отступит перед штыками завоевателей и не позволит задавить себя внешней военной силой“. Лозунг „Все для войны“ был заменен и прикрашен. „Войну до победного конца“ предлагалось вести во имя защиты и обороны революции.

Весь фронт живо откликнулся на революцию, ждал мира; „все помыслы солдат“, по официальным донесениям, были обращены на тыл. Солдаты, по словам генералов, „отвлекались от боевого дела“ массой всякого рода литературы, хлынувшей в армию. Известия, воззвания, листовки, газеты, агитаторы говорили о свободе. В секретных донесениях царские генералы сообщали: „Политика, широко охватившая все слои армии, невольно отвлекла все внимание... к тому, что происходит в Петрограде, и заставила всю войсковую массу желать одного — прекращения войны и возвращения домой“. Та борьба, которая развернулась по всей России между буржуазией и пролетариатом, между помещиками и крестьянами, вылилась на фронте в обостренную борьбу между буржуазно-помещичьим командным составом и рабоче-крестьянской солдатской массой.

Временное правительство должно было пойти на ряд уступок: ослабить произвол командного состава, ввести вежливое отношение к солдату, разрешить даже солдатские комитеты и т. д. Маленькими реформами, мелкими уступками правительство стремилось „крайне осторожно и путем морального воздействия успокоить армию...“, отмечает генерал Лукомский в своем письме к генералу Каледину 20 марта 1917 г.

В заключительной же части письма он открыто говорит: „Когда угар пройдет, то, естественно, нужно будет принять ряд мер для укрепления в армии дисциплины... Временное правительство, а в частности военный министр отлично понимают положение и, делая уступки в изменениях уклада внутренней жизни армии, делают лишь то, чего избежать нельзя“.

Но „угар“ не проходил, армия отказывалась сражаться во имя интересов буржуазии, не слушала уже оборонческих речей меньшевиков и эсеров, открыто выражала сочувствие партии большевиков, напряженно ждала большевистской литературы, большевистских агитаторов.

Достаточно было двух месяцев, чтобы армия открыто выразила нежелание воевать. Уже 1 мая генерал Брусилов на совещании главнокомандующих должен был сознаться: „В настоящее время наша армия — не армия, а просто толпы солдат, с одной стороны, и офицеры — с другой... Солдаты уже теперь говорят о возвращении их с войны с оружием для захвата земли“. Отношение к правительству, Совету и военным начальникам, по словам того же Брусилова, у солдатских масс было тоже вполне определенное: „На правительство они не надеются, для них все в Совете рабочих и солдатских депутатов... офицеры и начальники для них не больше, как буржуи... Офицеры в большинстве случаев говорить не могут, их всегда забьет словом „оратор“ — большевик и т. д. и т. д. Как велик был страх начальников перед большевиками, может показать характерное сообщение одного из командиров: „Мне и офицерам остается только спастись, так как приехал из Петрограда солдат 5-й роты, ленинец. В 16 часов будет митинг... Много лучших... офицеров уже убежало...“

„Наступать нам нечего, — говорили солдаты, — если объявлен мир без аннексий и контрибуций, ... не для чего нам и кровь проливать“. Генералы и офицеры были бессильны, беспомощны перед этими массовыми настроениями и трусливо замолкали перед решительными красными плакатами: „Долой войну, мир во что бы то ни стало“.

Кадеты же, возглавлявшие правительство, получив власть, „все усилия направили на то, по словам Ленина, чтобы продолжать захватническую, грабительскую войну, которую начал царь Николай II, заключивший тайные грабительские договоры с английскими и французскими

капиталистами". Это правительство с первых дней своего существования начинает заверять союзников, что „будет относиться с неизменным уважением к международным обязательствам, принятым павшим режимом“, и примет все меры „для окончательного торжества возрожденной России и ее доблестных союзников“. Эти заверения были переданы русским дипломатическим представителям за границей новым министром иностранных дел П. Н. Милюковым 4/17 марта. 11/24 марта тот же Милюков убеждает французских журналистов, что „русская революция произведена была для того, чтобы устранить препятствия, стоявшие на пути России к победе“. Подтверждая все обязательства, принятые на себя царским правительством, Милюков предлагал, „чтобы союзники... равным образом подтвердили обязательность для них всех ранее заключенных с Россией соглашений“. Из Англии и Франции посылаются соответствующие же дружеские заверения, в которых черным по белому высказывается уверенность, что „великие события, происшедшие в России, — вернейший залог полной победы над врагом“, а западные социалисты-соглашатели предостерегают своих российских друзей, чтобы они не увлекались „радикальными настроениями о прекращении войны“.

Основным требованием союзников было наступление, наступление во что бы то ни стало. Уже 3/16 марта французское высшее командование совместно с английским напоминает русскому верховному главнокомандующему, что начало общих наступлений оно назначило на 8 апреля. Антанта диктует самый план наступления, определяет роль русской армии и твердо заявляет, что назначенный срок наступления „не должен быть изменен“. Российская Ставка просит отсрочки, указывая на „болезнь, которую переживает государство“..., и заявляет, что „нам нужно дать известный срок“, чтобы „сгладить следы переживаемых беспорядков“.

Шли торги только о сроках наступления. Союзники требовали — Милюков выполнял. 27 марта (9 апреля) было опубликовано заявление Временного правительства, что „необходимо в тесном единении с союзниками окончательно разрешить все вопросы, связанные с мировой войной и ее окончанием“, что „первая насущная и жизненная задача — оборона во что бы то ни стало, конечно, при полном соблюдении обязательств, принятых в отношении союзников“... „Эти заявления, по словам самого Милюкова, не требовали от него... никаких перемен в курсе... политики“. Но союзники требовали более четких формулировок, и 18 апреля (1 мая) под их диктовку Милюков всенародно провозглашал: „Россия... спешит присоединить свой голос к голосам своих союзников... Заявления Временного правительства не

могут подать ни малейшего повода думать, что совершившийся переворот повлек за собой ослабление роли России в общей союзной борьбе. Совершенно напротив, всенародное стремление довести мировую войну до решительной победы лишь усилилось... Временное правительство... будет вполне соблюдать обязательства, принятые в отношении наших союзников...“ и т. д. и т. д.

Русская буржуазия в многочисленных резолюциях подтверждала: „Нет той силы, которая заставила бы... принять участие в измене союзникам“, что „Россия... будет до конца с теми, с которыми связала себя на жизнь и на смерть...“

Но эта сила была. „Милюков, — говорил даже французский дипломат Палеолог, — стал жертвой своего оптимизма... Приезд Ленина представляется мне самым опасным испытанием, какому только могла подвергнуться русская революция“.

Под твердым руководством Ленина росла, крепла стальная сила — партия большевиков, которая завоевывала массы пролетариата, крестьянства, солдат...

Уже в апрельские дни, в ответ на открытые заявления правительства о продолжении войны, в Питере и ряде других городов прошли грандиозные демонстрации протеста с требованиями: „Долой Временное правительство“, „Долой империалистическую войну“, „Мир без аннексий и контрибуций“, „Вся власть Совету рабочих и солдатских депутатов“.

Правительство дискредитировало себя настолько, что в прежнем составе уже не могло существовать.

Нужен был бóльший социалистический флер, и министерские портфели, с благословения меньшевиков и эсеров, были вручены эсерам — Чернову и Переверзеву и меньшевикам — Церетели и Скобелеву.

Эти соглашательские партии целиком и полностью связали свою судьбу с капиталистами и международными империалистами. Они ни в чем не изменили, не пытались изменить старой политики. Союзники требовали наступления. Его не удалось провести Милюкову. На смену кадету Милюкову пришел эсер Керенский, теперь уже военный и морской министр и верховный главнокомандующий всей русской армии.

18 июня русские войска, по приказу Керенского, перешли в наступление. В приказе о наступлении, конечно, не были еще забыты „революционные“ фразы, что наступление ведется „во имя свободы, во имя светлого будущего родины, во имя прочного и честного мира“.

„Но „во имя мира“, — писал через несколько дней Ленин, — бросают войска в бой империалисты всех стран: при каждом наступлении в каждой из воюющих стран генералы пытаются поднять дух солдат живой надеждой на то, что данное наступление приведет к скорейшему

миру. Этот обычный прием русские министры из „социалистов“ разукрашивали самыми трескучими фразами, в которых слова о социализме, демократии, революции звучат, как погремушка в руках ловкого жонглера. Никакими трескучими фразами не прикрыть того факта, что революционная армия России послана в бой во имя целей империалистов Англии, Франции, Италии, Японии, Америки“.

Это наступление было обречено на неудачу всем настроением армии. Русские войска отступали, бежали, братались с немцами. Братания происходили стихийно на самых важнейших участках фронта (см. картину художника А. М. Герасимова „Братание русских войск с австрийскими под Тарнополем летом 1917 г.“).

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Правительство, меньшевики, эсеры обвиняли в неудаче наступления большевиков, пропаганду „безответственных лиц“, подняли против Ленина и партии самую гнусную травлю, твердили о недопустимой „анархии“ в стране, издавали приказы и „железные законы“ против „внутреннего врага“ — рабочих и крестьян. Правительство меньшевиков и эсеров прибегло к испытанным приемам царской охраны, жандармов — всего полицейского режима дореволюционной России. Демонстрации расстреливались; расформировывались и посылались на фронт революционные полки; вызывались „верные“ войска с фронта; громили рабочие организации и типографии большевистских газет, большевиков сажали в тюрьмы, разоружали рабочих; против крестьян, захватывающих земли помещиков, посылались карательные отряды; на фронте запрещались всякие митинги и собрания; военно-полевые суды пачками расстреливали солдат и т. д. и т. д.

„Наступление на фронте и коалиция с кадетами в тылу, — писал Ленин 26 июля (8 августа) 1917 года, — сваливает эсеров и меньшевиков в яму контрреволюции. На деле государственная власть переходит в ее руки, в руки военной шайки. Керенский и правительство Церетели и Чернова лишь ширма ей, они вынуждены задним числом узаконять ее меры, ее шаги, ее политику...“

Эсеры и меньшевики катились со ступеньки на ступеньку.

Месяцы разгула реакции, когда соглашатели забыли даже свой былой „революционный“ жаргон, окончательно подорвали к ним остатки всякого доверия, имевшиеся в первые месяцы революции у части рабочих и крестьян. Рабочие отзываю меньшевиков и эсеров из Советов, выносят массовые резолюции о поддержке единственно революционной партии — большевиков. Один за другим большевизируются Советы; в деревне нарастает крестьянское восстание, вооружаются

рабочие, на заводах и фабриках организуется Красная гвардия. На очереди дня — вооруженное восстание, захват власти Советами — Октябрьская революция.

„Погибнуть или на всех парах устремиться вперед. Так поставлен вопрос историей“, — твердил Ильич изо дня в день. За полтора месяца до Октября, 13 — 14 сентября (26 — 27 по новому стилю), Владимир Ильич, скрывавшийся в подполье от расправы Временного правительства, разработал конкретный план самого восстания в Петрограде. „Мы, — писал он, — не теряя ни минуты должны организовать штаб повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, окружить Александринку, занять Петропавловку, арестовать генеральный штаб и правительство, послать к юнкерам и к дикой дивизии такие отряды, которые способны погибнуть, но не дать неприятелю двинуться к центрам города; мы должны мобилизовать вооруженных рабочих, призвать их к отчаянному последнему бою, занять сразу телеграф и телефон“... и т. д. и т. д. В то же время Ленин писал Центральному, Петербургскому и Московскому комитетам партии большевиков: „Вопрос в том, чтобы задачу сделать ясной для партии: на очередь дня поставить вооруженное восстание в Питере и Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства“.

В большевистский Петроградский совет в предоктябрьские дни массами приходили делегации с фронта. Все они в один голос заявляли: „Мир во что бы то ни стало“. „Вы говорите, что власть должна перейти в руки Советов — берите же ее в ваши руки... Отбросьте всякие сомнения, солдатская масса... за вас“. „Нам важно вернуться домой, чтобы пользоваться свободой и землей... Балтфлот на своем съезде открыто заявил: „Флот ждет только сигнала. Откладывать немисливо“.

В деревне к Октябрю — массовое восстание, крестьянская война. Доверие к правительству, эсерам, Учредительному собранию вырвано с корнем. Посылаемые правительством карательные отряды повсеместно присоединяются к восставшим.

Под непосредственным руководством партии большевиков пролетариат шел „вместе с беднейшим крестьянством против власти капитала за пролетарскую революцию“ (Сталин). Целые районы охватываются стачками и забастовками. Экономические требования отступают на задний план. Немедленный переход власти к Советам, рабочий контроль, решительная борьба с капиталистами, национализация фабрик и заводов — вот основные классовые требования. Эти требования неразрывно связывались, сопровождались требованиями передачи земли крестьянам, немедленного заключения мира.

„Именно теперь большевики, большевистские идеи, — писал Ленин, — своей политикой воплотили ту идею, которая двигает во всем мире необъятными трудящимися массами“.

10 (23) октября ЦК партии большевиков на своем историческом заседании принял резолюцию, предложенную В. И. Лениным: „...Вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы“. „Положение ясное, — говорил Ленин 16 (29) октября, — либо диктатура корниловская, либо диктатура пролетариата и беднейших слоев крестьянства“. ЦК призывал уже „все организации, всех рабочих и солдат к всесторонней и усиленной подготовке вооруженного восстания“... В этот же день ЦК организует военно-революционный центр по руководству восстанием, в состав которого входят: тт. Свердлов, Сталин, Дзержинский, Бубнов, Урицкий. Сотни большевистских агитаторов заработали в районах, полках, на фабриках и заводах, проводя директивы ЦК.

К решительному бою готовилось и Временное правительство. Прежде всего оно стремилось под разными предлогами обессилить центр восстания — революционный Петроград: вывести из него революционных солдат и матросов. Третью петроградского гарнизона, по распоряжению контрреволюционного штаба, получила приказ отправиться на фронт. Наиболее революционным крейсерам правительство предложило отправиться „на пробу машин“. Одновременно принимались все меры к вызову „верных“ войск с фронта.

Истинный смысл всех этих мероприятий был ясен и солдатам, и матросам, и рабочим. Солдаты гарнизона на фронт не шли. Центробалт предложил революционным крейсерам никаких приказов „без санкции Центробалта не выполнять“. Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов создает свою боевую организацию — Военно-революционный комитет, который целиком работает под руководством партии большевиков.

Спешно вооружались винтовками рабочие из захваченных арсеналов и складов. Уже вечером 23 октября (5 ноября) Петропавловская крепость, где было до 100 000 винтовок, перешла целиком на сторону революции. Автомобили, вереницы грузовиков, подвод двинулись сюда за оружием по нарядам Военно-революционного комитета. Двор крепости 24 октября (6 ноября) был полон рабочими. Оружие тут же распределялось и развозилось по районам. Наступали решающие дни...

Безнадежно пытался начальник Петроградского округа полковник Полковников приказывать всем „подчиненным“ частям „не поддаваться призывам к выступлениям“, „всех лиц, являющихся в казармы и при-

зывающих к вооруженному выступлению... арестовывать...“ Но грозные приказы генералов и усилия меньшевиков и эсеров уговорить рабочих и солдат „во имя спасения революции“ воздержаться от выступлений не помогали. Приказам никто не подчинялся, меньшевиков и эсеров гнали с митингов и собраний.

Петроградский гарнизон решительно заявлял: „На страже революционного порядка в Петрограде стоит весь гарнизон вместе с организованным пролетариатом. Всякие провокационные попытки со стороны корниловцев и буржуазии встретят беспощадный отпор... Всероссийский съезд советов должен взять в свои руки и обеспечить народу мир, землю и хлеб... Мы все на своих постах: готовы победить или умереть...“ То же было на каждой фабрике, на каждом заводе.

В ночь на 24 октября (6 ноября) меньшевистско-эсеровское правительство вынесло свои последние постановления: об аресте большевиков, закрытии большевистских газет, уголовном преследовании членов Военно-революционного комитета и т. д., но новая власть уже начала издавать свои приказы. Военно-революционный комитет уже имел свои войска, которые были в боевом порядке и по первому же приказу открыли в тот же день закрытые правительством газеты. Приказы, воззвания Военно-революционного комитета передавались сейчас же через радиостанцию часового революций — крейсер „Аврору“.

Железнодорожники уже отказывались перевозить войска с фронта. Попытки юнкеров развести мосты, чтобы разорвать крепкую связь Смольного, где помещались Совет и его Военно-революционный комитет, с районами, встречали резкий отпор со стороны революционных войск Военно-революционного комитета.

Вечером 24 октября (6 ноября) Ленин писал: „Яснее ясного, что теперь уже поистине промедление в восстании смерти подобно... на очереди стоят вопросы, которые решаются... исключительно народами, массой, борьбой вооруженных масс... Надо во что бы то ни стало сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство... Нельзя ждать! Можно потерять все!... Надо, чтобы все районы, все силы мобилизовались тотчас и послали немедленно делегации в Военно-революционный комитет, в ЦК большевиков, настоятельно требуя: ни в коем случае не оставлять власти в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом; решать дело сегодня непременно — вечером или ночью... Правительство колеблется. Надо добить его во что бы то ни стало!“

Всеми боевыми действиями руководил Военно-революционный комитет. В его распоряжении находились воинские части, поддерживавшие восстание, и отряды красногвардейцев, созданные рабочими (см. картину К. И. Максимова „Красногвардейцы“).

В ночь на 25 октября (7 ноября), в 12 часов 15 минут, начальник Петроградского округа сообщал Главковерху и Главнокомандующему Северным фронтом: „...Положение в Петрограде угрожающее. Уличных выступлений, беспорядков нет, но идет планомерный захват учреждений, вокзалов, аресты. Никакие приказы не выполняются. Юнкера сдают казармы без сопротивления. Казаки, несмотря на ряд приказаний, до сих пор из своих казарм не выходили... Временное правительство подвергается опасности потерять власть“.

К двум часам той же ночи красногвардейцами и солдатами Военно-революционного комитета были заняты вокзалы, мосты, электрическая станция, телеграф, телеграфные агентства; в 7 часов утра — телефонная станция, в 2 часа дня — Мариинский дворец. К этому же времени подошли подкрепления из Кронштадта.

В 10 часов утра за подписью Военно-революционного комитета было выпущено следующее воззвание, написанное В. И. Лениным:

„Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.“

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание советского правительства, это дело обеспечено.

Да здравствует революция солдат, рабочих и крестьян!“

В этот же день по радио „тылу и фронту“ был передан приказ Военно-революционного комитета: „Власть на местах переходит в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов...“

К 6½ часам вечера сдался и штаб. Военно-революционный комитет стягивал свои войска, броневики и артиллерию к Зимнему дворцу, где собрались члены Временного правительства под охраной юнкеров, прапорщиков и истеричек-ударниц. Но участь Зимнего была решена.

В 9 часов вечера был дан сигнал с „Авроры“ — холостой выстрел — к захвату Зимнего. Загрохотали трехдюймовки с Петропавловки... Началось наступление...

В то время, когда в Смольном на II съезде Советов принимались первые декреты о земле и мире, в 2 часа ночи пал последний оплот Временного правительства (см. картину художника Р. Френца „Взятие Зимнего дворца 25 октября 1917 года“).

Министры были арестованы и препровождены в Петропавловскую крепость, прапорщики и юнкера были обезоружены. От ареста спасся только глава правительства — Керенский. Он еще утром бежал в Гатчину,

к казакам, навстречу войскам с фронта. Вспоминая за границей, в эмиграции, про это бегство, он писал: „Это была безумная погоня за неуловимыми эшелонами, которых мы так нигде и не нашли“.

Широкой волной разрасталось восстание по всей России. В целом ряде городов — Москве, Саратове, Иркутске и других — борьба за власть Советов вызвала ожесточенное сопротивление со стороны буржуазии и ее верных подпевал и соратников — меньшевиков и эсеров. Если в Петрограде Октябрьская революция прошла исключительно организованно и почти бескровно, то в Москве самая организация революционных боевых сил происходила непосредственно во время боя, и в борьбе за власть Советов погибло около пяти тысяч человек.

В Москве к началу борьбы Красная гвардия была далеко не так сильна, как в Петрограде: московский гарнизон недели за две до восстания был на три четверти разоружен по тайному приказу Керенского, очень много оружия было передано юнкерам, к тому же Совет солдатских депутатов находился еще под руководством эсеров.

Меньшевики и эсеры и в Москве стремились все время сорвать восстание, сорвать все мероприятия большевиков. На решающем заседании пленума Московского совета рабочих и солдатских депутатов вечером 25 октября (7 ноября), когда в ответ на известия о восстании в Петрограде большевики настаивали на активной помощи питерским рабочим и солдатам и предлагали Московскому совету немедленно организовать свой Военно-революционный комитет для решительной борьбы с буржуазией, за власть Советов, меньшевики и эсеры занимались заклинаниями и „предупреждениями“: „Да не совершится то же в Москве, да не расколется демократия в Москве, да не пойдет одна часть демократии против другой“... и т. д. и т. д. Настойчиво борясь против того, чтобы был создан Военно-революционный комитет, они предлагали создать „общедемократический орган“, куда, кроме представителей Совета, должны были войти и представители городского и земского самоуправления, союза железнодорожников, возглавляющегося меньшевистско-эсеровским „нейтральным“ Викжелем, и тому подобных „демократических“ организаций, включая даже московский штаб военного округа. „Этот орган не будет вести борьбу, — заявляли соглашатели накануне боя, — а станет следить за порядком и безопасностью московских граждан“. В предлагаемых резолюциях эти контрреволюционеры открыто ставили своей целью... „решительно противостоять... всем попыткам захвата власти и государственного переворота... отвлесть массу от участия в восстании...“

Но в Совете рабочих депутатов большевики были в подавляющем большинстве и все предложения меньшевиков и эсеров провалились.

В принятой пленумом резолюции говорилось: „Избранный Революционный комитет начинает действовать немедленно, ставя себе задачей оказать всемерную поддержку Революционному комитету Петроградского совета Р и СД“. Меншевики голосовали против большевистской резолюции и вошли в незначительном количестве в Комитет, „но,—заявляли они,—не для того, чтобы содействовать захвату власти Советами, а для того, чтобы помочь пролетариату и армии возможно безболезненно изжить все последствия этой попытки захвата и авантюризма большевистских вождей, чтобы бороться внутри Комитета за замену его общедемократическим революционным органом“, короче говоря, ставить палки в колеса и срывать всю работу Военно-революционного комитета в организации и руководстве восстанием. В дни решительных боев эти меньшевики открыто выступили против революции, вышли из состава Военно-революционного комитета, так как считали для себя „полезнее вне московского Военно-революционного комитета приложить все силы для скорейшего прекращения братоубийственной войны“.

На другой же день после победы большевиков в Совете, несмотря на все противодействие соглашателей, на конференции представителей ротных и полковых комитетов была принята резолюция о признании Советов единственной властью и необходимости поддержки восставших питерских рабочих и солдат. В воинские части московского гарнизона были назначены комиссары „для связи и информации“. Одновременно Военно-революционным комитетом были приняты все меры к вооружению рабочих, закрыты все буржуазные газеты и выпущен ряд воззваний и приказов о решительной борьбе с контрреволюционерами. 26 октября (8 ноября) гарнизону был отдан приказ: „Весь московский гарнизон немедленно должен быть приведен в боевую готовность. Каждая воинская часть должна быть готова выступить по первому приказанию Военно-революционного комитета...“

К решительному бою готовились и контрреволюционеры. 27 октября (9 ноября) командующий Московским военным округом Рябцев объявил Москву и весь Московский округ на военном положении и привел свои войска в боевую готовность, а меньшевистско-эсеровский Комитет общественной безопасности опубликовал распоряжение, что приказы Военно-революционного комитета не подлежат исполнению. В 6 часов вечера Рябцев предъявил Военно-революционному комитету ультиматум: „Немедленно упразднить Военно-революционный комитет, вывести из Кремля большевистский караул и возратить взятое из арсенала оружие“. За невыполнение ультиматума Рябцев угрожал артиллерийским обстрелом Совета. Военно-революционный комитет на

предложение Рябцева, командующего военным округом, ответил призывом к всеобщей забастовке, к решительному наступлению „по пути осуществления фактической власти Советов в районах“.

Кремль в Москве был той основной базой, где хранилось оружие. Караулы в Кремле несли в это время большевистски настроенные солдаты 56-го полка. Пока велись переговоры между Рябцевым и Военно-революционным комитетом, белогвардейцы обманом захватили Кремль: они перерезали провода, соединяющие Кремль с Советом, присоединили их к штабу военного округа и сообщали кремлевскому гарнизону ложные сведения: что Военно-революционный комитет распущен, что все войска на стороне штаба и т. д. Юнкера окружили Кремль, и он был сдан без единого выстрела. Революционные солдаты 56-го полка были обезоружены и выведены к воротам.

Очевидец расправы с этим большевистским полком рассказывает: „На башне пробило уже 9 часов, а мы все стоим, больше часу... Вдруг раздался свисток, ружейный выстрел и сзади затрещал пулемет: задние ряды повалились, как подкошенные... Пулемет трещал... думалось, не будет конца этому кошмару. Наконец, пулемет остановился. Юнкера подбежали к оставшимся в живых, заставили убирать раненых и стаскивать в одну кучу убитых“...

Рябцев в тот же день объявил населению Москвы: „Кремль занят. Главное сопротивление сломлено... В ответ на выстрелы из домов последует немедленно пулеметный и артиллерийский обстрел...“ Белогвардейцы заняли целый ряд других важнейших пунктов: главный почтамт, телеграф, телефон, электрическую станцию, все вокзалы (кроме Саратовского) и весь центр города.

Положение восставших было критическое. Военно-революционный комитет, отрезанный от рабочих районов, напрягал все силы для того, чтобы добиться победы.

В районах восставшие рабочие энергично готовились к решительным боям. 28 октября (10 ноября) они, по воспоминаниям одного из участников, „лихорадочно формировали красногвардейские отряды, добывали оружие, фабриковали бомбы, отправляли в провинцию за поддержкой, за оружием, за взрывчатыми веществами...“ Никакие перемирия ни на один час не прерывали напряженной боевой деятельности.

В 12 часов ночи 30 октября (12 ноября) загремела советская артиллерия. Из Серпухова, Тулы, Вязьмы, Костромы и других ближайших городов прибывали подкрепления, автомобили, пулеметы, орудия. На Воробьевых горах были установлены тяжелые орудия для обстрела Кремля. 31 октября (13 ноября) войска Военно-революционного комитета повели наступление против сопротивлявшихся белогвардейцев.

Район за районом переходил в руки революционных рабочих и солдат.

1 (14) ноября начался обстрел Кремля. В тот же день были заняты революционными войсками телеграф, телефон, городская дума и другие важнейшие пункты. Белогвардейцы доживали последние часы. В ответ на мирные предложения меньшевистско-эсеровской делегации от Комитета общественной безопасности Военно-революционный комитет ответил, что борьба будет закончена на следующих условиях: „Вся власть принадлежит Советам. Комитет общественной безопасности должен быть распущен. Белая гвардия и юнкера должны быть разоружены“.

При этом Военно-революционный комитет обещал, что до 10¹/₂ часов утра он не будет принимать „особо активных действий“. Около 10 часов утра 2 (15) ноября белогвардейцы попросили отсрочки.

Наконец, в 2 часа дня Военно-революционный комитет отдал приказ: ...„довести нажим на белогвардейцев до максимальной степени...“ Настроение революционных войск поднялось... Чувствовалось приближение победы... Начался штурм Кремля... (см. картину К. Ф. Юона „Взятие Московского кремля 2 ноября 1917 года“). Пал последний оплот белогвардейцев.

В 9 часов вечера того же дня Военно-революционный комитет издал приказ, в котором заявлял: „Революционные войска победили. Юнкера и белая гвардия сдают оружие. Все силы буржуазии разбиты на голову... Вся власть в руках Военно-революционного комитета... Все на охрану завоеваний новой рабочей, солдатской и крестьянской революции...“

Победа социалистической революции в Петрограде и в Москве обеспечила победу революции во всей стране.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И ПОБЕДА РЕСПУБЛИКИ СОВЕТОВ

25 Октября (7 ноября) 1917 г. Временное правительство было свергнуто, и власть перешла в руки Совета Народных Комиссаров. Пролетариат одержал блестящую победу над буржуазией, овладев государственной властью. Но эта победа была лишь первой, хотя и решающей, схваткой в четырехлетней гражданской войне, во время которой российский пролетариат отстоял своей грудью первое в мире социалистическое государство.

В октябрьские дни белогвардейские отряды, сформированные буржуазией, были разбиты, однако буржуазия далеко еще не считала себя окончательно побежденной. Ближайшие годы были годами ожесточенной гражданской войны, во время которой царские генералы, действовавшие по приказаниям правительств Антанты, в тесном союзе с меньшевиками и эсерами единым фронтом боролись против Советской России.

Российский пролетариат овладел государственной властью в момент, когда страна находилась в неслыханно тяжелых условиях. Трехлетняя империалистическая война, начатая царизмом и продолженная правительством капиталистов, окончательно разорила и обескровила страну. Миллионы были убиты и искалечены, народное хозяйство истощено, промышленность развалилась, сельское хозяйство пришло в полный упадок. В городах царил голод. В опустевшей деревне оставались только дети, старики и женщины.

Первым же шагом рабоче-крестьянского правительства было заявление, что оно прекращает войну и начинает переговоры о мире. Одновременно с этим были изданы декреты о передаче помещичьей земли крестьянам и о рабочем контроле в промышленности. Банки были национализированы. Вся власть в центре и на местах перешла к Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

Буржуазия ответила на эти мероприятия революционного пролетариата вооруженной борьбой. Во всей стране начали создаваться тайные контр-революционные организации, ставившие себе целью свержение советской власти.

В своей борьбе буржуазия прибегала ко всем доступным ей средствам, начиная от открытых вооруженных восстаний и кончая убийствами коммунистов, разграблением продовольствия, предназначенного для рабочих, и т. п.

Чтобы увеличить общую разруху и ненадежность государственного аппарата, правительственные чиновники объявили саботаж, т. е. отказались работать, стремясь сорвать работу революционного правительства. Меньшевики и эсеры ложью, клеветой, провокацией пытались восстанавить рабочих, солдат и крестьян против большевиков. Меньшевики и эсеры непрерывно кричали, что советская власть — власть ничтожного меньшинства. В своих листовках и воззваниях они уверяли, что „гражданская война, начатая большевиками, грозит ввергнуть страну в неописуемые ужасы анархии“, что „мятеж большевиков наносит смертельный удар делу обороны и отодвигает всеми желанный мир... Обещание немедленного мира — ложь... Обещание хлеба — обман, обещание земли — сказка“. Они призывали трудящихся прекратить поддержку советской власти и стать на сторону белых правительств и царских генералов. Вскоре же после Октябрьского переворота эсеры и меньшевики признали необходимой союзническую интервенцию (т. е. вооруженное вмешательство англичан и французов).

Агитация меньшевиков и эсеров не встречала, конечно, отклика в массах трудящихся, а саботаж не смог сломить социалистического строительства. Преодолевая величайшие трудности, отражая удары мировой

буржуазии, пролетариат, под руководством коммунистической партии, строил республику Советов.

В январе 1918 г. собрался III съезд Советов, на котором была принята „Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа“. В этой декларации заявлялось, что советская власть ставит своей задачей полное уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, устранение деления общества на классы и победу социализма во всех странах мира. Закрывая съезд, Ленин говорил: „Можно сказать с неоспоримым основанием, что III съезд Советов открыл новую эпоху всемирной истории, и ныне, в условиях мировой революции, все значение этого съезда начинает сознаваться все более и более. Этот съезд, закрепивший организацию новой государственной власти, созданной Октябрьской революцией, наметил вехи грядущего социалистического строительства для всего мира, для трудящихся всех стран“ (Ленин, 2-е и 3-е изд., т. XXII, стр. 223).

Для того, чтобы приступить к социалистическому строительству, нужно было прежде всего покончить с империалистической войной. В марте 1918 г. в городе Брест-Литовске был подписан мир с Германией. К моменту заключения мира измученная армия ушла с фронта. Советское правительство согласилось на неслыханно тяжелые условия мира, чтобы этой дорогой ценой купить передышку и приступить к строительству социализма.

Империалистическая война окончилась. Началась ожесточенная гражданская война. На юге России—на Дону и Кубани—образовались белогвардейские правительства, и начали формироваться белые армии. Весною 1918 г. все правительства Антанты решили прибегнуть к вооруженной интервенции. В апреле 1918 г. во Владивостоке и Мурманске были произведены десанты (высадки) союзнических войск. Белогвардейским армиям была оказана помощь оружием, обмундированием и людьми. Под непосредственным руководством французского посла, в Москве и Петербурге было создано несколько белогвардейских заговоров и контрреволюционных организаций, подготовлявших свержение советской власти и занимавшихся отправкой офицеров в белые армии.

Работа контрреволюции протекала при ближайшем сотрудничестве так называемых „социалистических“ партий. Эсеры в этот период были наиболее активной политической партией, боровшейся против советской власти и прибегавшей в этой борьбе к самым грязным и кровавым средствам. Все мероприятия советской власти встречали со стороны эсеров бешеный отпор. Они поддерживали помещиков, когда крестьяне, руководимые большевиками, отбирали помещичьи земли. Они поддерживали капиталистов, когда рабочие национализировали промыш-

ленность. Они боролись против Брестского мира и, опираясь на денежную помощь союзников, стремились возобновить участие России в войне с Германией.

Советское правительство приступило к строительству социализма в обстановке гражданской войны, разрухи и голода. Промышленность, разоренная войной, замерла. Железные дороги бездействовали. Посевы хлеба резко сократились.

Хлеба не было в городах. Хлеба не было у деревенской бедноты. Однако хлеб в стране был. У кулачества были огромные хлебные запасы, достаточные для того, чтобы прокормить трудящееся население, но этого хлеба кулаки добровольно сдать не хотели.

В классовых боях весны 1918 г. кулачество—верная опора буржуазии в ее борьбе против советской власти. Кулак охотно принял участие в разделе помещичьих земель и постарался в первые месяцы революции захватить как можно больше земли в свои лапы. Но как только речь зашла о том, чтобы сдать хлеб по твердым ценам, кулак ощерился и превратился в активнейшего врага советской власти. Все свои силы, всю свою злобу издыхающего эксплуататора он обратил на борьбу против рабоче-крестьянского государства.

Самым лучшим оружием в этой борьбе была костлявая рука голода, которою мировая буржуазия надеялась задушить республику Советов. Поэтому кулак прекратил сдачу хлеба государству, обрекая города и бедноту деревни на голодную смерть. В письме к путиловским рабочим от 22 мая 1918 г. Ленин писал о причинах голода следующее: „Голод не от того, что хлеба нет в России, а от того, что буржуазия и все богатые дают последний решительный бой господству трудящихся, государству рабочих, советской власти на самом верном и остром вопросе, на вопросе о хлебе. Буржуазия и все богатые, в том числе деревенские богатеи-кулаки, срывают хлебную монополию, разрушают государственное распределение хлеба в пользу и в интересах снабжения хлебом всего населения и в первую голову рабочих, трудящихся, нуждающихся. Буржуазия срывает твердые цены, спекулирует хлебом, наживает по сто, по двести и больше рублей на пуде хлеба, разрушает хлебную монополию и правильное распределение хлеба; разрушает взяткой, подкупом, злостной поддержкой всего, что губит власть рабочих, добивающихся осуществить первое, основное, коренное начало социализма: „Кто не работает, тот да не ест“ (Ленин, 2-е и 3-е изд., т. XXIII, стр. 26).

Для того, чтобы прокормиться, чтобы победить в гражданской войне и вытерпеть голодную блокаду, нужно было, как говорил Ленин, „собрать хлеб в общие мешки и поделить его“. Но кулак добровольно хлеб

сдавать не хотел. Поэтому с мая 1918 г. начали организовываться продовольственные отряды, состоявшие из лучших рабочих. Эти продовольственные отряды отправлялись в деревню и отбирали там хлеб у злостных укрывателей хлебных излишков.

Пролетариат — авангард революции должен кликнуть клич, должен подняться массой, — писал Ленин к питерским рабочим, — должен понять, что в его руках спасение страны, что от него требуется героизм не меньший, чем в январе и октябре 1905 г., в феврале и октябре 1917 г., что надо организовать великий „крестовый поход“ против спекулянтов хлебом, кулаков, мироедов, дезорганизаторов, взяточников, великий „крестовый поход“ против нарушителей строжайшего государственного порядка сбора, подвоза и распределения хлеба для людей и топлива для машин.

Только массовый подъем передовых рабочих способен спасти страну и революцию. Нужны десятки тысяч передовиков, закаленных пролетариев, настолько сознательных, чтобы разъяснить дело миллионам бедноты во всех концах страны и встать во главе этих миллионов, настолько выдержанных, чтобы беспощадно отсекал от себя и расстреливать всякого, кто „соблазнился“ бы — бывает — соблазнами спекуляции и из борца за народное дело превратился в грабителя, — настолько твердых и преданных революции, чтобы организованно вынести все тяжести похода во все концы страны для водворения порядка, для укрепления местных органов советской власти, для надзора на местах за каждым пудом хлеба, за каждым пудом топлива“ (Ленин, т. XXIII, стр. 29).

Продовольственные отряды, направлявшиеся в деревню, должны были действовать, опираясь на помощь деревенской бедноты. Поэтому перед ними прежде всего вставала задача организации деревенской бедноты и поддержки ее в борьбе против кулачества. Деревенская беднота так же, как и городские рабочие, была обречена на голодную смерть, если бы хлеб у кулаков не был отобран. В деревнях разгорелась ожесточенная классовая борьба: по одну сторону баррикад стояли возглавляемая рабочими деревенская беднота и примыкавшая к ней часть середнячества, по другую сторону — кулачество, действовавшее в союзе с помещиками и русской и мировой буржуазией.

Первые боролись за социализм, за то, чтобы осуществить лозунг „кто не трудится, тот да не ест“, вторые дрались за свержение советской власти и за восстановление господства капиталистов.

Рабочие продовольственные отряды пришли в деревню с винтовкой для кулаков и с братским словом, братской помощью для бедноты. Они явились в деревню для теснейшего союза с голодающими крестьянами, с которыми они делили хлеб, вырванный у кулаков, и подняли

беспощадную борьбу против кулаков, которые хотели взять Советскую Россию измором.

Для организации деревенской бедноты были созданы комитеты бедноты или, сокращенно, комбеды.

Комитеты бедноты в годы гражданской войны были основной опорой советской власти в деревне. При помощи комбедов производилось изъятие хлебных излишков у кулачества. Комбеды помогали производить наборы в Красную армию и бороться против дезертирства (см. картину А. Моравова „Заседание комитета бедноты“).

Благодаря комбедам были закреплены завоевания революции: без них деревня оказалась бы во власти кулака, без них земля была бы вновь захвачена помещиками, без них города и трудовая часть крестьянства погибли бы от голода.

Комитеты деревенской бедноты, возглавляемые пролетариями, обеспечили победу Октябрьской революции.

★

История первых лет существования Красной армии — это история гражданской войны и нашей революции. Первым белогвардейским фронтом, с которым пришлось столкнуться в смертном бою красным войскам, были Дон и Кубань. Еще с осени 1917 г., еще со времени корниловского мятежа, при помощи и поддержке Керенского и его приспешников, на Дон и Кубань начало стекаться контрреволюционное офицерство, собиравшееся сформировать армию контрреволюции. Опираясь на кулацкую часть казачества, атаман Каледин в ответ на известие об Октябрьском перевороте образовал на Дону самостоятельное правительство. Такое же решение приняли кубанские белогвардейцы. Дон и Кубань объявили, что они будут бороться против советской власти, и сделались плацдармом контрреволюционных сил.

На первых порах против донского и кубанского правительств действовали нерегулярные отряды Красной гвардии. Соединенными усилиями отрядов, присланных питерскими и московскими рабочими, отрядов, сформированных донецкими шахтерами, и трех донских казачьих полков старой армии (не разбежавшихся со всей армией, а перешедших в Красную гвардию) были одержаны блестящие победы. Ростов, Таганрог, Новочеркасск были с бою взяты красными. Каледин покончил самоубийством. Сформированные офицерские части в беспорядке отступали на юг, на Кубань. Красные продолжали их теснить. Добровольческая (белая) армия сделала неудачную попытку взять Екатеринодар и была разгромлена. Таким образом, к весне 1918 г. белогвардейцы потерпели жестокое поражение.

Для окончательной победы революции, для борьбы с империалистами всех стран на внешнем и внутреннем фронтах необходимо было создать рабоче-крестьянскую Красную армию. Старая армия к этому времени фактически не существовала. При первых известиях о революции и начале мирных переговоров солдаты, измученные четырехлетней империалистической бойней, неудержимо хлынули с фронта. Многие из них присоединились к революционным красногвардейским отрядам, основному ядру будущей Красной армии, многие организовывали партизанские отряды, сыгравшие такое большое значение в победе революции, многие, наконец, двинулись в свои деревни, чтобы с оружием в руках принять участие в крестьянской войне за землю.

Организация Красной армии проходила под твердым руководством партии большевиков, при большом творчестве не только центральных, но и местных советских организаций. Красная армия создавалась и крепла в процессе героической борьбы,— вот почему строительство Красной армии особенно успешно шло прежде всего в крупных революционных центрах и на периферии, где нашей социалистической республике угрожали банды организующейся контрреволюции. Первый период, первые месяцы после Октябрьской революции, комплектование Красной армии шло за счет добровольной записи трудящихся в ее ряды, при обязательной рекомендации партийных, профессиональных и общественных организаций. Эта добровольная запись дала за 2½ месяца 106 тысяч рабочих и крестьян на защиту революции. В одном Питере к 25 февраля записалось, по официальным данным, 5500 человек, к 1 апреля — уже 25 тысяч. В Москве к концу апреля записалось 22 тысячи человек, в Московском уезде — около 12 тысяч и т. д.

Но уже к этому времени ясно обнаружилось, „что переход от добровольческой армии ко всеобщей мобилизации рабочих и беднейших крестьян повелительно диктуется всем положением страны как для борьбы за хлеб, так и для отражения обнаглевшей на почве голода контрреволюции как внутренней, так и внешней“ (постановление ВЦИК от 29 мая 1918 г.). В виду этого ВЦИК тогда же постановил: „Необходимо безотлагательно перейти к принудительному набору одного или нескольких возрастов“. При этом ВЦИК считал необходимым „начать этот набор, с одной стороны, с наиболее угрожаемых областей, с другой стороны, с главных центров рабочего движения“.

Чем сильнее организовывались и наступали контрреволюционные отряды (имевшие квалифицированный командный состав и большой боевой опыт), тем рискованнее было для обороны революции представлять эту оборону массовой стихии добровольчества.

29 июля 1918 г. Совет Народных Комиссаров издает декрет, по

которому „все граждане Российской Советской Федеративной Республики, годные к военной службе, в возрасте от 18 до 40 лет считаются военнообязанными и должны будут по первому призыву рабочего и крестьянского правительства явиться на военную службу“.

Так одновременно с разложением партизанщины шло строительство Красной армии. Красноармейские отряды, построенные на основе большевистской дисциплины, вливались на все фронты и организовывали вокруг себя здоровые революционные элементы Красной армии. К августу 1918 г. Красная армия представляла собою уже крупную боевую силу.

В первые месяцы 1918 г. самым важным, самым опасным фронтом был южный. Немцы, занимавшие Украину, поддерживали генерала Краснова, образовавшего на Дону новое белое правительство. На Кубани формировалась добровольческая армия. В конце 1918 г. Краснов перешел в наступление и дважды пытался взять Царицын (нынешний Сталинград) — в октябре 1918 г. и январе 1919 г., но 10-я Красная армия, во главе которой стоял т. Сталин, дала ему решительный отпор. В эти месяцы борьбы с Красновым зародилась красная конница, сформированная т. Буденным.

В январе 1919 г. 10-я армия перешла в наступление. Краснов, лишившийся вследствие германской революции поддержки немецких штыков, быстро откатился на юг. Красная армия развернула блистательное наступление; к маю 1919 г. красные части очистили от белых Дон и двинулись на Кубань.

Громадную роль в этом победоносном наступлении сыграла красная конница (см. картину худ. М. Б. Грекова „Отряд красной конницы под командою т. Жлобы под Новочеркасском“, на которой изображен один из моментов этого наступления: отряд красной кавалерии под командою т. Жлобы захватывает белогвардейский поезд).

Однако с лета 1918 г. перед республикой вырос новый фронт — восточный. На протяжении ряда месяцев восточный фронт представлял собою наибольшую угрозу советской власти.

История возникновения восточного фронта такова.

Еще до Февральской революции правительства союзников начали формировать легионы из пленных чехо-словаков, находившихся в России (чехо-словаки — угнетенная нация, насильственно удерживавшаяся в пределах Австро-Венгрии. Чехи ненавидели Австрию и, когда началась война, стремились как можно быстрее покинуть австрийскую армию и сдаться в плен союзникам). Играя на националистических чувствах пленных чехо-словацких солдат, союзники хотели использовать их для войны против Австрии.

К моменту Октябрьской революции чехо-словацкие легионы были уже сформированы, обучены и вооружены, и когда перед англо-французским империализмом стал вопрос о борьбе против советской власти, у него возник адский план: одурачить чехо-словаков, натравить их на большевиков и свергнуть при помощи их штыков власть советов.

Используя преданных империалистам чехо-словацких офицеров, союзники повели среди легионеров такую агитацию: большевики — немецкие агенты, они выдадут чехов немцам; для того, чтобы добиться освобождения Чехо-Словакии от австрийского и немецкого ига, нужно начать вооруженную борьбу против советской власти.

Под видом отправки чехо-словаков через Владивосток во Францию, союзникам, действовавшим за спиной чехо-словацкого командования, удалось расположить чехо-словацкие войска по всей железнодорожной линии от Самары до Томска. По сигналу, данному в мае 1918 г. французским послом в России Нулансом, чехо-словацкие легионы восстали и захватили власть в Сибири, на Урале и в Среднем Поволжье по линии сибирской железной дороги.

Одновременно с чехо-словаками подняли восстание эсеровские организации, действовавшие по приказаниям и на деньги того же Нуланса. Несмотря на то, что Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК) по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией ликвидировала весной 1918 г. крупную контрреволюционную организацию „Союз защиты родины и свободы“, связанную с союзными миссиями и ставившую себе целью организацию антисоветского фронта в Поволжье, несмотря на это, эсерам удалось создать сеть офицерско-эсеровских организаций, подготавливавших восстание. В июне 1918 г. были организованы восстания в Ярославле, Рыбинске, в Рязанской и Тамбовской губерниях. Эти восстания были быстро подавлены, контрреволюции не удалось обвить смертельную петлю вокруг советской столицы — Москвы.

К июню 1918 г. Советская Россия оказалась в кольце фронтов: на севере высадился английский десант, действовавший совместно с эсеровским правительством Чайковского, на юге — Краснов и добровольческая армия, на востоке — чехо-словаки и японский десант.

„Мы снова попали в войну, — говорил Ленин в июле 1918 г., — мы находимся в войне, и эта война не только гражданская, с кулаками, помещиками, капиталистами, которые объединились против нас, — теперь уже стоит против нас англо-французский империализм, он еще не в состоянии двинуть на Россию полчища, ему мешают географические условия, но он все, что может, все свои миллионы, все свои дипломатические связи и силы даст на помощь нашим врагам“ (Ленин, т. XXIII, стр. 161).

Это организованное наступление контрреволюции вызвало решительный отпор всех революционных сил страны. В ответ на мятежи и восстания начинается быстрое пополнение Красной армии лучшими представителями рабочего класса и крестьянства. Цвет страны становится под ружье. Винтовка и наган делаются неотъемлемыми спутниками каждого большевика.

29 июля 1918 г. ВЦИК и Московский совет совместно с фабзавкомами приняли резолюцию, в которой провозгласили, что социалистическое отечество находится в опасности, и потребовали „подчинить работу всех советских и иных рабочих организаций основным задачам настоящего момента: отражению натиска чехо-словаков и успешной деятельности по сбору и доставке хлеба в нуждающиеся в нем местности“. Начался массовый наплыв добровольцев в Красную армию. Партийные комитеты, комсомольские организации, советы и профсоюзы объявляли себя полностью или же частично мобилизованными и уходили в Красную армию. Приходилось прибегать даже к строжайшим мерам партийного взыскания, чтобы удержать коммунистов от ухода в армию и обеспечить работу в тылу.

Красная армия сорганизовалась и выросла под руководством партии большевиков, которая в ряде партийных мобилизаций отдала свои лучшие силы защите революции. Эта армия до конца выполнила данную ею перед всем трудящимся народом присягу: „Без измены, без страха и колебаний бороться за великое дело, которому отдали свою жизнь лучшие дети рабочей и крестьянской семьи, за дело победы советской власти и торжество социализма“.

На протяжении всего июля 1918 г. чехам удалось развернуть безостановочное наступление на восточном фронте. К концу этого месяца чехи взяли Сызрань и Симбирск и начали наступать на Казань. 6 августа чехи взяли Казань.

Это был момент наибольшего успеха чехо-словацких войск. Больше им продвинуться не удалось. Волею партии на казанский фронт были брошены лучшие силы. За несколько дней была сформирована 5-я Красная армия. 23 августа 5-я армия начала наступление. 10 сентября была взята Казань. 12 сентября 1-я армия, действовавшая южнее 5-й, взяла Симбирск. С этого времени вплоть до января 1919 г. красные армии восточного фронта продолжали непрерывное наступление, отогнав чехов к Уралу (см. картину худ. В. А. Кузнецова „Красная армия в 1919 г.“, на которой изображено вступление красноармейских частей в город, отбитый у белогвардейцев).

В те дни, когда белогвардейцы праздновали взятие Казани, революции было нанесено еще несколько тяжелейших ударов: с лета 1918 г.

партия эсеров начала применять по отношению к вождям советской власти вооруженный террор. 30 июня в Петрограде правым эсером был убит т. Володарский, возвращавшийся с митинга на Обуховском заводе. 30 августа, утром, правый эсер Канегиссер убил председателя Петроградской чрезвычайной комиссии, т. Урицкого, и в тот же день, вечером, правая эсерка Каплан произвела покушение на жизнь т. Ленина, выстрелив в него несколько раз в упор нарезными пулями, отравленными ядом кураре. Весть о покушении на т. Ленина вызвала взрыв величайшего возмущения рабочих, крестьян и красноармейцев. Красная армия ответила на нее единодушным наступлением на врагов революции. В то время были одержаны крупные победы на восточном фронте. Через 1½ месяца т. Ленин вернулся к работе.

В начале ноября 1918 г. в Германии произошла революция. Это событие внесло большие перемены в положение Советской России. С одной стороны, исчезла угроза германского империализма: Украина была очищена от немцев. Прекратились огромные платежи по Брестскому договору. Донбасс, освобожденный германскими оккупантами, начал давать стране уголь. Но, с другой стороны, усилились враждебные советской власти белогвардейски-союзнические армии. После прекращения войны с Германией внимание империалистов Антанты устремилось на борьбу против Советской России. Руки Антанты на Западе были развязаны, теперь она могла оказывать значительно большую, чем раньше, помощь людьми и оружием своим ставленникам-белогвардейцам.

Результаты помощи Антанты сказались очень быстро. К январю 1919 г. восточная белая армия, находившаяся под командованием адмирала Колчака, перешла в наступление, и красные начали отступать на запад, с каждым днем приближаясь к Волге. С севера на соединение с армией Колчака, наступая по направлению к Питеру и Москве, шла северная армия, состоявшая в значительной части из английских войск, высадившихся в Мурманске и Архангельске. На юге выросла и окрепла добровольческая армия под командованием генерала Деникина. На западе, опираясь на поддержку антисоветских правительств, Польши и Латвии, сформировалась армия генерала Юденича, ставившая своей задачей захват красного Петрограда.

Положение Советской России было крайне тяжелым. Сжатая кольцом голодной блокады, окруженная смертельными врагами, изнуряемая кулацкими восстаниями, голодом и тифом, она должна была ввести в стране режим осажденной крепости. Победа была возможна только при условии напряжения всех сил и при беспощадной борьбе с вра-

гами советской власти, со спекуляцией, с дезертирством, с мешечничеством.

В мае 1919 г. Красная армия восточного фронта вновь перешла в наступление. Вновь был брошен призыв: „Все на восток“. На фронт прибыли свежие пополнения и новые партийные силы. Наступление развертывалось в высшей степени удачно; армия Колчака панически отступала. Разгром его был бы неизбежен, если бы в это время в спину наступающих красных войск не был нанесен удар: началось с юга наступление добровольческой армии, двигавшейся на Москву.

Летом 1919 г. генерал Деникин решил начать прямое наступление на Москву по линии Харьков, Курск, Орел, Тула, Серпухов. Ему удалось дойти до Орла и взять его. Враг был на расстоянии лишь трехсот верст от Москвы. И одновременно с Деникиным на Петроград начала наступать армия генерала Юденича.

История обороны красного Петрограда представляет собою одну из самых героических страниц в истории нашей революции.

Разрабатывая план окружения Советской России, империалисты Антанты решили использовать для нападения с запада мелкие антисоветские государства — Эстонию, Латвию, Польшу. На территории этих государств начали высаживаться английские десанты и начала формироваться белогвардейская армия генерала Юденича. В мае 1919 г. Юденич сделал попытку наступления. Одновременно с этим совершили вооруженный налет на Советскую Россию финские войска, которыми командовал английский полковник.

В этот момент все силы Советской России были обращены на разгром Колчака, и Петроградский фронт оказался почти обнаженным. В рядах Красной армии свила себе гнездо измена, и несколько полков перешло на сторону белых. Крупнейший фронт Кронштадтской крепости — „Красная Горка“ — поднял мятеж против советской власти. И, несмотря на это, благодаря мужеству и стойкости петроградских рабочих, майское наступление Юденича было быстро отбито.

Для следующего своего наступления Юденич избрал момент, когда судьба Советской России висела на волоске: момент победоносного наступления Деникина, 15 октября 1919 г.; в те дни, когда враг угрожал Туле, началось наступление белых на Петроград. Красные отступили под давлением превосходных сил противника. 17 октября красные перешли в контрнаступление и заняли после упорного боя ряд селений. Однако 18 октября войска Юденича взяли Красное село.

План белых был построен на молниеносности налета. Они рассчитывали стремительным натиском взять Петроград. Поэтому их тактика была основана на прямой атаке — колонной, наступающей фронтом в 25 кило-

метров (отметим, между прочим, что этот план наступления белых был разработан изменником — начальником штаба 7-й Красной армии, стоявшей на подступах к Петрограду).

После 18 октября положение Петрограда сделалось угрожающим. Противник овладел Гатчиной и грозил перерезать Николаевскую дорогу — единственную ж.-д. линию, соединяющую Питер с Москвой. Белые были уверены, что на другой же день овладеют городом. Когда генералу Родзянко один из его адъютантов предложил бинокль, чтобы посмотреть из Гатчины на Питер, тот отказался, хвастливо заявив, что завтра он „будет гулять на Невском“.

Но белые просчитались и на этот раз. Петроград устоял. Советская республика нашла в себе достаточно сил, чтобы защитить первый город пролетарской революции. Как только рабочие Петрограда узнали о нависшей над ними угрозе, каждый из них решил: или за Питер умереть или в красном Питере жить... Питера не отдавать.

15 октября Петроградский совет обратился ко всем рабочим, красноармейцам и матросам со следующим воззванием:

„Товарищи! Белогвардейские банды Родзянко и Юденича снова угрожают Петрограду. Они воспользовались временным ослаблением нашего фронта, вызванным переброской сил на южный фронт, и перешли в наступление. Отдельные шайки их прорвались на расстоянии 40 верст от Петрограда. Силы их так ничтожны, что едва ли они и сами серьезно рассчитывают на успех своей авантюры. Самое большее, на что они надеются, — это ворваться на несколько дней в Петроград для кровавой расправы с ненавистными им питерскими рабочими.

Революционный военный совет республики принимает самые срочные меры для укрепления фронта, для отражения грозящего нам удара.

Товарищи! В ваших руках судьбы вас, ваших семей и красного Петрограда. Встаньте, как один, на защиту родного города, дорогого сердцу пролетариев всего мира. Помогите Красной армии отбросить и раз навсегда покончить с бандами палачей, державших все время под угрозой красную столицу революции. Будьте готовы по первому призыву стать под винтовку или на какую угодно работу по обороне.

Спокойствие, выдержка, решимость!

Самый беспощадный террор против всех и каждого, кто посмеет в этот момент подняться здесь, внутри с целью помощи белогвардейским бандам.

Смерть за саботаж! Печать смерти на уста провокаторов, сеющих вздорные слухи. Смерть белогвардейским бандам и их вождям!

Да здравствует красный Петроград! Да здравствует Российская советская республика рабочих и крестьян!“

На заседании Военного совета было принято решение бросить все силы на оборону, а в случае нужды защищаться и внутри города, превратив Петроград в крепость, гарнизоном которой должен был стать весь петроградский пролетариат. Был брошен призыв „защищаться и внутри Петрограда, на каждой улице, у каждого дома“.

Работа закипела. Каждая минута была дорога. Все партийные, комсомольские, советские и профессиональные организации объявили себя мобилизованными. В каждом районе был создан районный штаб, управлявший работой всех учреждений района.

В течение нескольких десятков часов Питер был превращен в мощную крепость. Все население встало под ружье. Здоровые отправились на фронт, больные неустанно работали над укреплениями вокруг и внутри Петрограда. Дома, фабрики и заводы были превращены в опорные пункты обороны. Каждый дом таил в себе смертельную опасность для прорвавшихся белогвардейцев. Улицы покрылись баррикадами. В гнездах и канонирах были установлены пушки и пулеметы. Город превратился в западню, в капкан для белогвардейских налетчиков.

Эта гигантская работа была проделана в кратчайший срок, ибо в ней принял участие весь петроградский пролетариат. Каждый рабочий знал, что несет Юденич рабочему классу, и каждый рабочий понимал, что в его руках находится судьба его дома, его семьи, его фабрики и его класса.

Необходимо отметить то участие, которое приняли в обороне красного Питера женщины-работницы. 14000 работниц объявили себя мобилизованными, из них 2660 с винтовками отправились на фронт, проявив изумительный героизм, а свыше 11000 отдали свои силы подготовке обороны. Но кроме этих мобилизованных женщин, в обороне приняли участие все женщины-работницы и жены рабочих, отдав все свои силы делу спасения Петрограда от белогвардейских банд.

Героический подъем, охвативший петроградских рабочих, сразу же сказался на настроении красноармейских частей, защищавших Петроград. Каждый красноармеец почувствовал, что мысли об отступлении не должно быть места, что позади него, в тылу, стоит железная стена, о которую разобьются белогвардейские банды. Армия, которая еще накануне беспорядочно, в панике отступала, превратилась буквально за сутки в армию, способную не только защищаться, но и побеждать.

Уже 20 октября наступление противника было задержано. В ночь на 21 октября белые попытались перейти в штурмовую атаку и ворваться в город, но были отбиты, и красным удалось даже отогнать их несколько дальше исходных позиций. В этом бою красные впервые применили танки советского производства. Красноармейские части восторженно приветствовали их.

22 октября Красная армия перешла в наступление. Белогвардейские войска оказывали ей упорное сопротивление. Красная армия продвигалась с ожесточенными боями. 23 октября противнику был нанесен крупнейший удар: красные овладели Павловском и Детским селом. 26 октября наши части стремительным штурмом овладели Красным селом, захватив много пленных, снарядов, автомобилей и пулеметов. С этого момента исход налета Юденича был решен. Красные развили безостановочное наступление, и к середине ноября не только была ликвидирована угроза Петрограду, но армия Юденича была вдребезги разбита, и с нею было навсегда покончено.

Советская Россия бросила все свои силы на помощь Петрограду. Со всех концов страны лучшие рабочие, коммунисты и красноармейцы отправились в армию, защищавшую Питер. „Они внесли в армию свой энтузиазм и глубокую веру в победу пролетарской России. Они служили живым примером, как нужно бороться и умирать“, — писал член Реввоенсовета т. Лашевич. Петроград был спасен благодаря героизму пролетариата и Красной армии (см. картину худ. Френца (участника событий) „Защита Ленинграда против Юденича“, на которой изображен один из эпизодов героической обороны: со ст. Александровская, под Петроградом, наскоро сформированные отряды петроградских рабочих отправляются на фронт, на место боя).

В те дни, когда Юденичу были нанесены первые удары, был достигнут перелом и на южном фронте. 21 октября Петроградский совет получил от Реввоенсовета республики следующую телеграмму: „Орел взят нашими войсками. Взяты громадные трофеи. Под Воронежем нашим конным корпусом разбито 10 конных полков противника, разгромлена вся неприятельская пехота, прикрывавшая конницу, взяты 60 пулеметов, 24 орудия, бронепоезд имени одного из деникинских генералов и масса других трофеев. Под Воронежем нанесен удар главным силам противника и разбит корпус Мамонтова“.

Эти победы над Деникиным были одержаны благодаря участию красной конницы. Когда Деникин, имевший превосходные конные части, развил свое наступление на Москву, наша партия бросила клич: „Пролетарий, на коня!“ Вся сила деникинской контрреволюции была в коннице, поэтому нашей задачей было создание непобедимой конной армии. И конная армия была создана.

Главная заслуга в создании этой армии принадлежит Семену Буденному. В непрерывных боях с Красновым, потом с Деникиным он формировал свою Первую конную армию. Под Воронежем Красная армия блестяще сдала свой кавалерийский экзамен. Красный корпус Буденного разбил белые корпуса Мамонтова — Шкуро. Борьба на юге

еще далеко не закончилась, но врагу был нанесен удар, от которого он уж не оправился.

Молниеносный разгром Деникина представляет собою одну из самых блестящих страниц в истории Красной армии. Красные войска стремительными ударами безостановочно били врага. В течение трех месяцев белая армия откатилась далеко на юг. В начале января 1920 г. был взят Ростов. После этого ликвидация южного белого фронта пошла еще быстрее, и в кратчайший срок весь юг был очищен от белых. Только в Закавказье еще на протяжении года существовала антисоветская меньшевистская республика — Грузия, но и там в начале 1921 г. восставшие рабочие и крестьяне установили советскую власть.

Деникинский тыл представлял собою убежище для контрреволюционеров всех мастей и оттенков. Приближение Красной армии вызвало невероятную и вполне законную панику среди этого контрреволюционного сброда. Каждый из них думал не о помощи белой армии, а о спасении собственной шкуры. Началось повальное бегство буржуазии за границу на пароходах (см. картину худ. И. А. Владимирова „Бегство буржуазии из Новороссийска в 1920 г.“). Почти одновременно с разгромом Деникина Красная армия закончила разгром Колчака. Наступление, начатое в апреле 1919 г., развертывалось почти безостановочно. К весне 1920 г. вся Сибирь была очищена от белых банд, а адмирал Колчак захвачен в плен и расстрелян по приговору Революционного трибунала.

Успехи Красной армии в значительнейшей степени обуславливались той поддержкой, которую она встречала со стороны пролетариата и крестьянства. Мы уже рассказывали выше о том героическом подъеме петроградских рабочих, который предопределил победу армии, защищавшей Петроград. Но история обороны Петрограда представляет собою лишь наиболее яркий эпизод в цепи событий, происходивших во всех концах и углах страны. Весь пролетариат нашей страны, проявил высокий героизм и мужество.

В истории гражданской войны огромную роль сыграло крестьянское движение. Все белые правительства после прихода к власти восстанавливали помещиков в их правах и возвращали им землю, отобранную крестьянами во время революции. На крестьянство падали величайшие тяготы в виде реквизиций, конфискаций и набегов офицерских отрядов. Все трудоспособное население насильственно забиралось в белую армию. Поэтому в тылу белых армий неизменно происходили массовые крестьянские восстания.

Особенно больших размеров достигло крестьянское движение в Сибири. Вся Сибирь была охвачена крестьянскими восстаниями. Крестьяне

формировали партизанские отряды, из которых складывались настоящие партизанские армии.

Партизаны совершенно дезорганизовали тыл колчаковской армии. Они разрушали железнодорожное полотно, устраивали крушения воинских поездов, взрывали артиллерийские склады, мешали колчаковцам отбирать у крестьян хлеб и забирать население в армию.

Во главе партизанских отрядов обычно стояли городские рабочие. Благодаря их руководству партизанское движение приобрело организованность и сплоченность (см. картину худ. М. Авилова „Сибирские партизаны“ и картину худ. Н. Никонова „Въезд красных партизан в Красноярск“).

К весне 1920 г. Сибирь была очищена от белых. „Палач рабочих и крестьян Сибири, царский генерал Колчак разгромлен,— писал в своем приказе по армии Реввоенсовет 5-й армии.—Его армия распалась и десятками тысяч сдается советской Красной армии. Сотни орудий, пулеметов, тысячи винтовок, миллионы патронов и снарядов, приготовленные буржуазией для истребления рабочих и крестьян, отняты доблестной Красной армией и партизанами. Сотни паровозов, тысячи вагонов с награбленным буржуазией народным богатством захвачены нами и возвращены трудящимся. Царство наших вековых врагов — помещиков и буржуазии — разрушено вооруженной рукой рабочего и крестьянина. У власти стали рабочий и крестьянин. Перед нами стоит задача: собрать расхищенное буржуазией достояние трудящихся и восстановить народное хозяйство. Но, переходя к мирному труду, мы должны твердо помнить, что за спиной русской буржуазии стоит буржуазия иностранная, которая не может помириться с победой советской власти. Чтобы обеспечить себе мирный труд и возможность строить социалистическое государство трудящихся, рабочие и крестьяне должны твердо держать в руках винтовку и зорко наблюдать за разбитым врагом и его союзниками. В борьбе со своими угнетателями рабочий класс создал могучую Красную армию, в которую входят только трудящиеся. Она прошла от Волги и до Оби, уничтожая дворянство и буржуазию, и ведет героическую борьбу на южном и западном фронтах. В ее славные ряды должны стать все, кто хочет счастья трудящимся, кто готов отдать жизнь за их освобождение. Навстречу шедшей в Сибирь Красной армии поднялись тысячи восставших крестьян, соединившихся в полки. Самоотверженная борьба почти безоружных партизан навеки врежется в память поколений, и имена их будут с гордостью произноситься нашими детьми“.

После разгрома Колчака, Деникина и Юденича Красной армией пришлось вступить в борьбу еще с двумя врагами советской власти — с армией барона Врангеля и с панской Польшей. Оба эти врага потерпели поражение. Армия генерала Врангеля, засевшего на Крымском полуострове, была сметена с лица земли, а белая Польша должна была оставить попытки похода на Москву. К весне 1921 г. советская республика окончательно победила, расправилась с белогвардейскими бандами и перешла к мирному труду.

Эпоха гражданской войны закончилась, началась новая эпоха, эпоха социалистического строительства, когда рабочие и крестьяне, крепко держа винтовку в своих руках, бросили все свои силы для работы на хозяйственных фронтах (см. символическую картину худ. С. Карпова. „Республика Советов“).

Под руководством большевистской партии пролетариат Советского Союза, опирающийся на беднейшее крестьянство в союзе с средним крестьянством, одержал свои победы в октябрьских боях, в гражданской войне, в социалистическом строительстве, завершив в третьем, решающем году пятилетки построение фундамента социализма, преодолевая бешеное сопротивление кулачества и остатков буржуазии — вредителей, преодолевая противодействие правых уклонистов и контрреволюционного троцкизма.

„Мы имеем эти успехи потому, — говорил, обозревая пройденный путь, т. Сталин на XVI съезде партии, — что сумели держать высоко великое знамя Ленина. Если хотим победить, мы должны и впредь держать знамя Ленина высоко, охраняя его чистоту и незапятнанность.

Таков общий вывод.

Со знаменем Ленина победили мы в боях за Октябрьскую революцию.

Со знаменем Ленина добились мы решающих успехов в борьбе за победу социалистического строительства.

С этим же знаменем победим в пролетарской революции во всем мире. Да здравствует ленинизм!“

Под руководством коммунистической партии и ее вождя, т. Сталина, лучшего ученика Ленина и продолжателя, Страна Советов идет к новым победам и ставит основной задачей уже второй пятилетки „окончательную ликвидацию капиталистических элементов и классов вообще, ... превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества“ (из тезисов к XVII партконференции).

ПЕРЕЧЕНЬ КАРТИН

I. Крестьянские восстания, декабристы и народничество.

1. Степан Разин на Волге . . . . . худ. Г. Н. Горелов.
2. Пугачев . . . . . неизв. худ. XVIII века.
3. Восстание на Сенатской площади в Петербурге 14 декабря 1825 г. . . . . худ. Д. Н. Кардовский.
4. Спор на меже . . . . . " К. А. Савицкий.
5. Арест пропагандиста в деревне (эпоха хождения в народ) . . . . . " И. Е. Репин.
6. Арестованный агитатор агитирует свою стражу (эпоха хождения в народ). . . " В. Г. Перов.
7. Допрос революционерки . . . . . " В. Е. Маковский.
8. Террористы . . . . . " И. Е. Репин.

II. Рабочее движение и революция 1905 г.

9. Расчет . . . . . худ. Н. И. Верхотуров.
10. Бунт в деревне . . . . . " С. В. Иванов.
11. Пропагандистка в рабочем кружке . . . " Н. И. Верхотуров.
12. Разгон рабочих забастовщиков у железопрокатного завода в Петербурге в 1905 г. " И. А. Владимиров.
13. Расстрел демонстрации в 1905 г. . . . " С. В. Иванов.
14. Каляев бросает бомбу в карету вел. кн. Сергея Александровича в Москве в 1905 г. " В. С. Сварог.
15. Баррикада на Пресне в декабре 1906 г. " В. В. Журавлев.
16. Казнь по приговору военно-полевого суда в 1906 г. . . . . " Н. И. Шестопалов.

III. Реакция, новый подъем, февральская и октябрьская революции.

17. Обыск в профсоюзе . . . . . худ. Б. В. Иогансон.
18. Ленский расстрел в 1912 г. . . . . " А. В. Моравов.
19. Революция победила (Февральские дни в Петрограде в 1917 г.) . . . . . " И. А. Владимиров.
20. Арест генералов в феврале 1917 г. . . " И. А. Владимиров.
21. Братание русских войск с австрийскими под Тарнополем осенью 1917 г. . . " А. М. Герасимов.
22. Красногвардейцы . . . . . " К. И. Максимов.
23. Взятие Зимнего дворца 25 октября 1917 г. . . . . " Р. Р. Френц.
24. Взятие Московского Кремля 2 ноября 1917 г. . . . . " К. Ф. Юон.

IV. Гражданская война и победа Республики Советов.

25. Заседание Комитета бедноты в 1918 г. худ. А. В. Моравов.
26. Отряд красной конницы под командою тов. Жлобы под Новочеркасском . . . " М. Б. Греков.
27. Красная армия в 1919 г. . . . . " В. А. Кузнецов.
28. Защита Ленинграда против Юденича в 1919 г. . . . . " Р. Р. Френц.
29. Бегство буржуазии из Новороссийска в 1920 г. . . . . " И. А. Владимиров.
30. Сибирские партизаны . . . . . " М. И. Авилов.
31. Въезд красных партизан в Красноярск . " Н. М. Никонов.
32. Республика Советов . . . . . " С. М. Карпов.

Г. Н. Горелов

•ГИЗ—ИЗОГИЗ

Степан Разин на Волге

Неизв. художн. XVIII века

Пугачев

Огиз — изогиз

Д. Н. Кардовский

огиз — изогиз

Восстание на Сенатской площади в Петербурге 14 декабря 1825 г.

Н. А. Савицкий

Спор на меже

ориз — изориз

9

И. Е. Релин

ОГИЗ—ИЗОГИЗ

Арест пропагандиста в деревне (эпоха хождения в народ)

В. Г. Перов

огиз—изогиз

Арестованный агитатор агитирует свою стражу (эпоха хождения в народ)

В. Е. Маковский

огиз—изогиз

Допрос революционерки

И. Е. Репин

ОГИЗ—ИЗДАТ

Террористы

8

Н. И. Верхотуров

ОГИЗ — ИЗОГИЗ

Расчет

9

С. В. Иванов

ОГИЗ—ИЗОГИЗ

Бунт в деревне

10

Н. И. Верхотуров

Пропагандистка в рабочем кружке

ОГИЗ—ИЗОГИЗ

И. А. Владимиров

ОГИЗ—ИЗОГИЗ

Разгон рабочих забастовщиков у железопрокатного завода в Петербурге в 1905 г.

12

С. В. Иванов

Расстрел демонстрации в 1905 г.

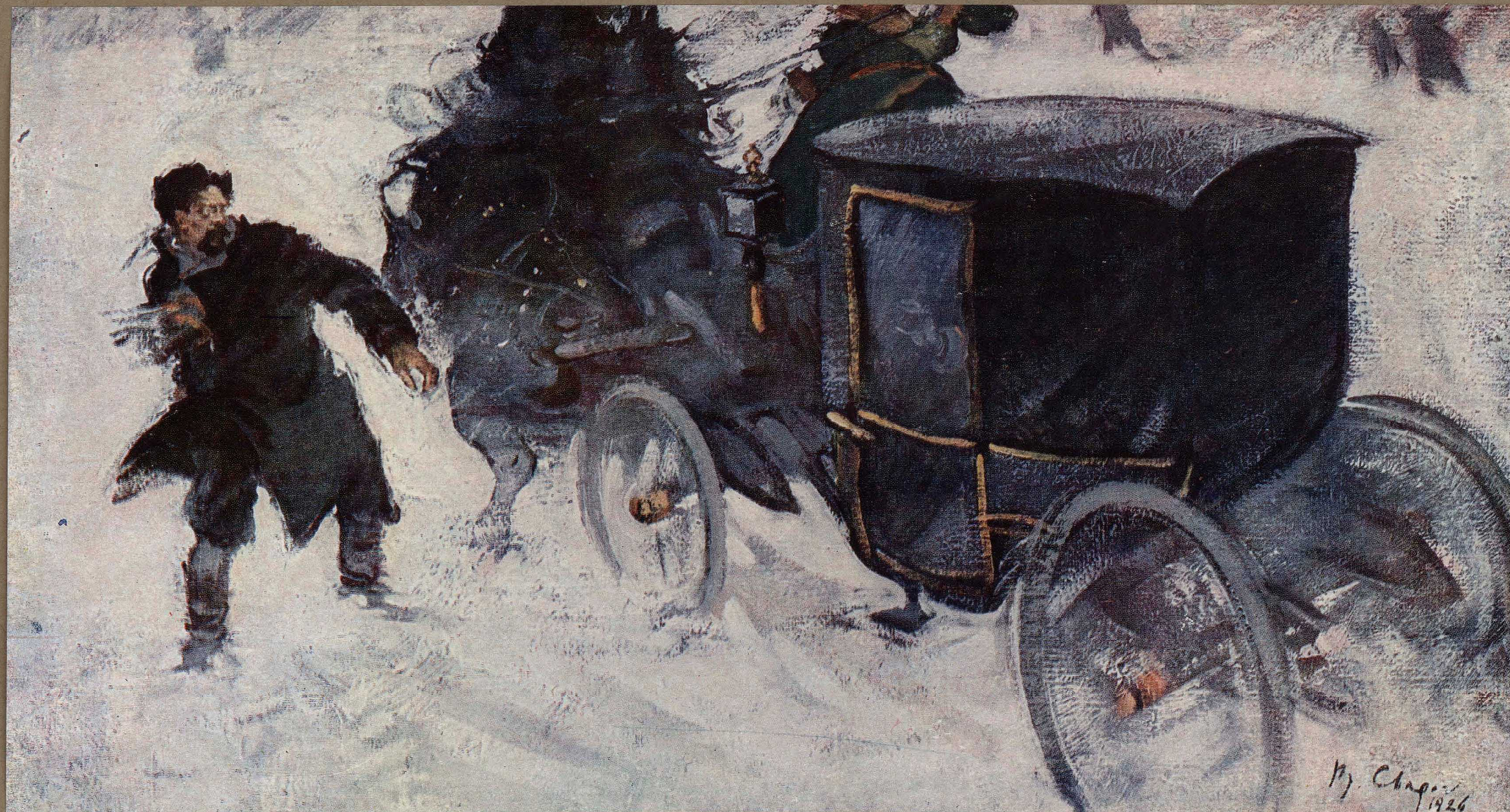
13

ОГИЗ—ИЗОГИЗ

В. С. Сварог

ОГИЗ — ИЗОГИЗ

Каляев бросает бомбу в карету вел. кн. Сергея Александровича в Москве в 1905 г.

14

В. В. Журавлев

огиз—изогиз

Баррикада на Пресне в декабре 1905 г.

15

Н. И. Щепалов

ОГИЗ — ИЗОГИЗ

Казнь по приговору военно-полевого суда в 1906 г.

16

В. В. Журавлев
[Иотансон, Б.В.]

[Добыск в профсоюзе.]
Баррикада на Пресне в декабре 1905 г.

ОГИЗ—ИЗОГИЗ

17

А. В. Моравов

ОГИЗ—ИЗОГИЗ

Ленский расстрел в 1912 г.

18

И. А. Владимиров

ОГИЗ-ИЗОГИЗ

Революция победила (Февральские дни в Петрограде в 1917 г.)

19

И. А. Владимиров

ОГИЗ—ИЗОГИЗ

Арест генералов в феврале 1917 г.

20

А. М. Герасимов

ОГИЗ—ИЗОГИЗ

Братание русских войск с австрийскими под Тарнополем осенью 1917 г.

Н. И. Максимов

ОГИЗ—ИЗОГИЗ

Красногвардейцы

22

Р. Р. Френц

„Октябрьская ночь“. Взятие Зимнего дворца 25 окт. 1917 г.

ОГИЗ—ИЗОГИЗ

К. Ф. Юон

ОГИЗ—ИЗОГИЗ

Взятие Московского Кремля 2 ноября 1917 г.

24

А. В. Моравов

ОГИЗ—ИЗОГИЗ

Заседание Комитета Бедноты в 1918 г.

25

М. Б. Греков

ОГИЗ — ИЗОГИЗ

Отряд красной конницы под командою тов. Жлобы под Новочеркасском

В. А. Кузнецов

ОГИЗ—ИЗОГИЗ

Красная Армия в 1919 г.

27

Р. Р. Френц

ОГИЗ — ИЗОГИЗ

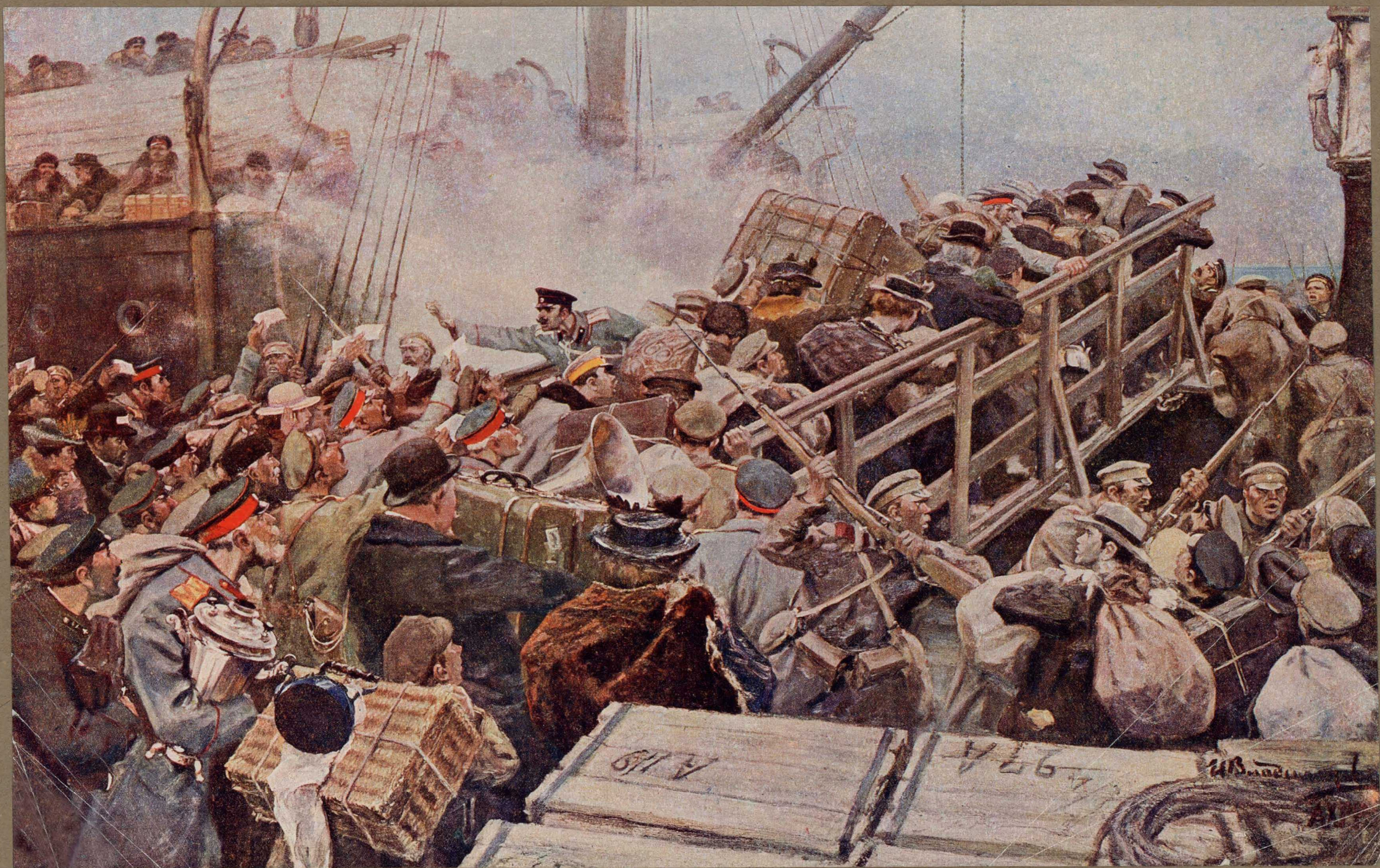
Защита Ленинграда против Юденича в 1919 г.

28

И. А. Владимир

ОГИЗ—ИЗОГИЗ

Бегство буржуазии из Новороссийска в 1920 г.

29

М. И. Авилов

ОГИЗ—ИЗОГИЗ

Сибирские партизаны

30

Н. М. Никонов

огиэ — изогиз

В'езд красных партизан в Красноярск в 1919 г.

37

С. М. Карпов

ОГИЗ—ИЗОГИЗ

Республика Советов

32

